

**АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ
И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»
СЕВИНЧ РАМАЗАНОВА**

**МАГИСТЕРСКАЯ РАБОТА
Д.ф.н. Бахар ГЮНЕШ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

**2014
На правах рукописи.**

**İ.A.GONÇAROV'UN 'UÇURUM' ESERİNDEKİ
'AŞK' KAVRAMI**

Sevindj Ramazanova

**YÜKSEK LİSANS TEZİ
Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ
RUS DİLİ VE EDEBİYATI ANABİLİM DALI
2014**

Her hakkı saklıdır.

**Т.Р.
АТАТЮРКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Севинч РАМАЗАНОВА

**АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА
«ОБРЫВ»**

Магистерская РАБОТА

**НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
д.ф.н. Бахар ГЮНЕШ**

ERZURUM – 2014

**T.C.
ATATÜRK ÜNİVERSİTESİ
SOSYAL BİLİMLER ENSTİTÜSÜ
RUS DİLİ VE EDEBİYATI ANABİLİM DALI**

Sevindj RAMAZANOVA

İ.A. GONÇAROV'UN 'UÇURUM' ESERİNDEKİ 'AŞK' KAVRAMI

YÜKSEK LİSANS TEZİ

**TEZ YÖNETİCİSİ
Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ**

ERZURUM – 2014

T.C.
ATATÜRK ÜNİVERSİTESİ
SOSYAL BİLİMLERİ ENSTİTÜSÜ

TEZ BEYAN FORMU

...../...../20....

SOSYAL BİLİMLERİ ENSTİTÜSÜ MÜDÜRLÜĞÜNE

BİLDİRİM

Atatürk Üniversitesi Lisansüstü Eğitim-Öğretim ve Sınav Yönetmeliğine göre hazırlamış olduğum "İ.A. Gonçarov' un "Uçurum" Eserindeki Aşk Kavramı " adlı tezimin/raporun tamamen kendi çalışmam olduğunu ve her alıntıya kaynak gösterdiğimi taahhüt eder, tezimin/raporumun kağıt ve elektronik kopyalarının Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü arşivlerinde aşağıda belirttiğim koşullarda saklanmasına izin verdiğimi onaylarım:

Lisansüstü Eğitim-Öğretim yönetmeliğinin ilgili maddeleri uyarınca gereğinin yapılmasını arz ederim.

Tezimin/Raporumun tamamı her yerden erişime açılabilir.

Tezimin/Raporum sadece Atatürk Üniversitesi yerleşkelerinden erişime açılabilir.

Tezimin/Raporumun ..... yıl süreyle erişime açılmasını istemiyorum. Bu sürenin sonunda uzatma için başvuruda bulunmadığım takdirde, tezimin/raporumun tamamı her yerden erişime açılabilir.

17.01.2014

Sevindj Ramazanova

T.C.
ATATÜRK ÜNİVERSİTESİ
SOSYAL BİLİMLER ENSTİTÜSÜ

TEZ KABUL TUTANAĞI

SOSYAL BİLİMLER ENSTİTÜSÜ MÜDÜRLÜĞÜNE

Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ danışmanlığında, Sevindj RAMAZANOVA tarafından hazırlanan bu çalışma 17/ 01/ 2014 tarihinde aşağıdaki jüri tarafından. Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı'nda Yüksek Lisans Tezi olarak kabul edilmiştir.

Başkan : Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ İmza:

Jüri Üyesi: Doç. Dr. Ahmet SARI İmza:

Jüri Üyesi :Doç. Dr. Anna POSELENOVA İmza:

Yukarıdaki imzalar adı geçen öğretim üyelerine aittir. .... / ..... / .....

Prof. Dr. Mustafa YILDIRIM
Enstitü Müdürü

F-85/00/22.02.2012

İÇİNDEKİLER

ÖZET	II
ABSTRACT.....	III
РЕЗЮМЕ.....	IV
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	V
ÖNSÖZ.....	VI
ВВЕДЕНИЕ (GİRİŞ).....	1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЦЕПТ *ЛЮБОВЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. ПОНЯТИЕ <i>КОНЦЕПТ</i> В ЛИНГВИСТИКЕ	7
1.2. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА <i>ЛЮБОВЬ</i> В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	14
1.2.1. Этимологический Анализ Концепта <i>Любовь</i>	15
1.2.2. Концепт <i>Любовь</i> В Русском Языковом Сознании	19
1.3. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	28

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

2.1. АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>ЛЮБОВЬ</i> В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»	30
2.2. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ЛЮБВИ	32
2.3. ТИПЫ <i>ЛЮБВИ</i> , ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»	34
2.4. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (SONUÇ).....	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68
ÖZGEÇMİŞ.....	73

ÖZET**YÜKSEK LİSANS TEZİ****İ.A.GONÇAROV'UN 'UÇURUM' ESERİNDEKİ 'AŞK' KAVRAMI****Sevindj RAMAZANOVA****Danışman: Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ****2014, 73 sayfa****Jüri: Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ****Doç. Dr. Ahmet SARI****Doç. Dr. Svetlana AIUPOVA**

İ.A.Gonçarov'un 'Uçurum' adlı eserindeki aşk kavramının nasıl ele alındığı ve dil ile duyguların nasıl yorumlandığı bu konuda bize önemli bilgiler sunmaktadır. Burada duyguların bilimsel bir açıdan incelendiği görülmektedir. 'Aşk' kavramı hem kültürel hem de terminolojik bir algı olarak incelenmiştir. İ.A.Gonçarov 'Uçurum' adlı eserinde bunu ilk defa etraflıca sanatsal açıdan ele alıp bu eserin ortaya çıkma sürecini etraflıca anlatmıştır. Burada o zamanın mantalitesinden inceleyen yazar duyguların geçmişten günümüze gelen yorumlanması dikkat çekicidir. Çünkü sosyal yapıların değişimi kadar duyguların da yorumlanma süreci incelenmiştir. Yazar 'Aşk' kavramını sadece bireysel olarak değil, aynı zamanda ailesel, toplumsal ve hatta evrensel yaşamın temelinde görmektedir. İnsanın hayatında bu denli önemli bir yere sahip olan bir duygunun şaşırtıcı derecede etkisi görülmektedir. Çalışma sırasında 'Uçurum' adlı eserin yanı sıra pek çok sözcüksel kaynak da incelenmiştir. Bu çalışmayla İ.A.Gonçarov'un eseri ve dünyaya bakış açısı ele alınıp bunun yanı sıra Rus dilinin dilsel araçlarıyla kıyaslanması suretiyle incelenmiştir.

Anahtar Kelimeler: 'Aşk' kavramı, dilsel, kavramlar, etimolojik, dilbilim.

ABSTRACT

MASTER THESIS

**THE CONCEPT OF LOVE WITH THE WORKS OF I.GONCHAROV "THE
PRECIPICE"**

Sevindj RAMAZANOVA

Advisor: Asst. Assoc. Dr. Bahar GÜNEŞ

2014, Page: 73

Jury: Asst. Assoc. Dr. Bahar GÜNEŞ

Assoc. Dr. Ahmet SARI

Assoc. Dr. Svetlana AIUPOVA

The theme of our research is "The concept of love in the novel of IA Goncharov called as The Precipice.

The scientific study of concepts that reflect the feelings and emotions of a person, based on the analysis of linguistic expression of emotions [Apresian 1995 Gak 1997 Galkina-Fedoruk 1958. Shahovsky 1995, etc]. The special importance of the study of emotions in the language recognized by LG Babenko, ZE Fominoi, which allocate a separate area in linguistics - emotionology (linguistics emotions). Concepts reflecting the emotions and feelings of the person on the English language studied A.Vezhbitskoy [Wierzbicka 1997]. Study concepts of "love", "hate" in the Russian and American linguistic consciousness devoted work EY Balachov [Balashov, 2004]. The thesis L.E.Vilms [Wilms 1997] linguistic sign "love" is seen as terminological and value-cultural concept in the German and Russian languages. Fundamental for our research work is also S.G.Vorkachev [Vorkachev 2003] "The concept of love in Russian language consciousness."

Keywords: 'Love' concept, linguistic concepts, etymology, linguistics.

РЕЗЮМЕ

МАГИСТЕРСКАЯ РАБОТА

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

СЕВИНЧ РАМАЗАНОВА

Научный Руководитель: д.ф.н.Бахар ГЮНЕШ

2043, 73 страниц

Заведующий: д.ф.н. Бахар Гюнеш

Доц. д.ф.н.Ахмет САРЫ

Доц. д.ф.н.Светлана Аюпова

Целью данной работы было рассмотрение паремиологии концепта «Любовь» анализ концепта *любовь* в романе и.а.гончарова «обрыв». Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении мы дали сведения об актуальности темы, о целях и задачах и о методах исследования.

В первой главе мы постарались уточнить понятие «концепт» и дать лингвокультурологический анализ концепта в русской лингвокультуре.

Во второй главе мы постарались проанализировать концепт «любовь» в романе и.а.гончарова «обрыв».

В заключение при помощи концепта удалось доказать, что, абстрактные понятия не являются пустыми, безликими сущностями - за ними стоят личностные образы, позволяющие осознать сложные вещи посредством их сближения, соположения с физически осязаемыми конкретными реалиями.

Ключевые слова: концепт «любовь», лингвистических понятий, этимология, лингвистика.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение концептов является одним из актуальных направлений в лингвистике последних лет. Об этом свидетельствуют многочисленные теоретические исследования данной категории разными языковедами. Можно назвать имена таких ученых, исследовавших это явление, как С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, В.А. Пищальникова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, И.А. Тарасова, Г.В. Токарев, Л.О. Чернейко и др.

В лингвистике существуют разные подходы к изучению концепта. Трактовка данного термина в современном языкознании неоднозначна.

В романе «Обрыв», по признанию автора, он «исчерпал... почти все образы страстей». Обрисованные в романе разнообразные типы любви не только являются характеристикой современного общества (человечества), но и представляют собой и основные периоды человеческой истории.

Материалом исследования является текст романа «Обрыв». В ходе работы изучению подверглись и лексикографические источники: «Этимологический словарь русского языка» в четырех томах М. Фасмера, «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской, «Толковый словарь живого великорусского языка» в четырех томах В.И. Даля; «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка» в четырех томах под редакцией, Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка» в четырех томах под редакцией А.П.Евгеньевой, «Словарь современного русского литературного языка» в семнадцати томах; «Словообразовательный словарь русского языка» в двух томах А.Н. Тихонова, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И.Молоткова, а также сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Выражаю глубокую признательность своей научной руководительнице д.ф.н. Бахар ГЮНЕСИ за помощь, оказанную при написании моей магистерской работы.

ÖNSÖZ

Kavramların incelenmesi, son yıllarda dilbilimdeki güncel eğilimlerden bir tanesi haline gelmiştir. Bu durumu söz konusu kategori üzerine farklı dilbilimcilerin yaptığı birçok teorik araştırma kanıtlamaktadır. Bu alanda araştırmalar yapan bilim adamları arasında S. A. Askoldov, A. P. Babuşkin, N. N. Boldırev, A. A. Zalevskaya, V. İ. Karasik, V. V. Kolesov, E. S. Kubryakova, D. S. Lihachev, V. A. Maslova, V. A. Pişalnikova, Yu. S. Stepanov, İ. A. Sternin, İ. A. Tarasova, G. V. Tokarev, L. O. Çerneyko vb. gibi isimler sayılabilir.

Dilbilimde kavram incelemesine yönelik farklı yaklaşımlar bulunmaktadır. Söz konusu terimin çağdaş dilbilimde yorumlanmış şekilleri birbirinden farklıdır.

Çalışmamızın konusu İ. A. Gonçarov'un "Uçurum" adlı eserindeki "aşk" kavramıdır.

İnsan duygularını yansıtan kavramların bilimsel olarak incelenmesi, duyguların dilsel ifade analizi üzerine kuruludur. [Apresyan 1995, Gak 1997, Galkina-Fedoruk 1958, Şahovski 1995 vb.] Duygu dilbilimi gibi dilbilimde farklı bir yönelimi ortaya koyan L. G. Babenko, Z. E. Fomina, bir dilde duyguları incelemenin oldukça önemli olduğunu vurgulamaktadırlar. İnsan duygularını yansıtan kavramlar, A. Vejbitski tarafından İngilizce olarak da incelenmiştir. [Vejbitskaya 1997]. Rusça ve İngilizcedeki "aşk", "nefret" gibi kavramlar üzerine, E. Yu. Balaşova bir çalışma yapmıştır. [Balaşova 2004] L. E. Wilms'in [Wilms 1997] tezinde "aşk" dilsel işareti, Alman ve Rus dillerinde terminolojik ve kültürel bir algı olarak incelenmektedir

Giriş ve iki bölümden oluşan çalışmamızda kavram anlayışı, "aşk" kavramı ve hakkında değerlendirme yapmaya çalıştık. Bu çalışmanın her aşamasında bana yol gösteren, tez danışmanım saygıdeğer hocam Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ'e ve bölümümüzün diğer saygıdeğer hocalarına teşekkürlerimi ve saygılarımı sunarım.

ВВЕДЕНИЕ (GİRİŞ)

Изучение концептов является одним из актуальных направлений в лингвистике последних лет. Об этом свидетельствуют многочисленные теоретические исследования данной категории разными языковедами. Можно назвать имена таких ученых, исследовавших это явление, как С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, В.А. Пищальникова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, И.А. Тарасова, Г.В. Токарев, Л.О. Чернейко и др.

В лингвистике существуют разные подходы к изучению концепта. Трактовка данного термина в современном языкознании неоднозначна.

По мнению Ю.С. Степанова, концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово: «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений», причем в существующем коллективном сознании они «описывают действительность, но действительность особого рода – ментальную». Заметим при этом, что в процессе развития человеческого знания в понятие «концепт» вовлекаются все новые аспекты его рассмотрения.

Под концептом мы будем понимать «обобщенный ментальный образ, соединяющий разнообразную информацию о явлении действительности, связанную у носителей языка с данным словом».

Концепт как когнитивная единица является составной частью концептосферы или концептуальной картины мира, и включает в себя вербализованную (языковую) и невербализованную части.

Вербализованная часть концепта может быть описана в процессе анализа различных источников, дающих информацию об инвариантном, коллективно выработанном ядре концепта толковых, этимологических, фразеологических, словообразовательных, энциклопедических, ассоциативных словарей и справочников, привлечения данных, полученных в результате проведения ассоциативного эксперимента, а также на основе анализа текстов писателей,

поэтов.

Темой нашего исследования является «Концепт *любовь* в романе И.А.Гончарова «Обрыв».

Научное изучение концептов, отражающих чувства и эмоции человека, основано на анализе языкового выражения эмоций. Особая важность изучения эмоций в языке признается Л.Г. Бабенко, З.Е. Фоминой, которые выделяют отдельное направление в лингвистике – эмотиологию (лингвистику эмоций). Концепты, отражающие эмоции и чувства человека, на материале английского языка изучались А.Вежбицкой. Исследованию концептов «любовь», «ненависть» в русском и американском языковом сознании посвящена работа Е.Ю. Балашовой . В диссертации Л.Е.Вильмс языковой знак «любовь» рассматривается как терминологическое и ценностно-культурное понятие в немецком и русском языках. Основополагающей для нашего исследования является также работа С.Г.Воркачева «Концепт любви в русском языковом сознании».

Несмотря на то, что концепт «любовь» не раз был предметом анализа лингвистов и литературоведов, рассмотрение его в творчестве И.А.Гончарова на лингвистическом уровне не проводилось, выявление особенностей вербализации данного концепта может быть интересным как для русской концептосферы в целом, так и для индивидуальной концептосферы И.А.Гончарова – писателя.

Замысел романа «Обрыв» возник в 1849 году, когда И.А.Гончаров после долгого перерыва попал вновь в родной Симбирск. В статье «Лучше поздно, чем никогда» автор пишет: «Тут толпой хлынули на меня старые знакомые лица, я видел ещё не отживший тогда патриархальный быт и вместе новые побегы, смесь молодого со старым. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздух, воспоминания детства...» - все вдохновляло писателя на создание нового романа»

«Обрыв» роман очень разноплановый, многопроблемный: автор поднимает в нем и вопрос о религии, и вопрос о семье, её устройстве, об эмансипации женщины, и вопрос о социальном устройстве общества. Но главное, конечно, это то, что «Обрыв» - роман о любви, о ее разных видах проявления. Не случайно И.А.Гончаров сам называл свой роман «эпосом любви». В понимании писателя, любовь – основополагающее начало жизни, при этом не только индивидуально-

личной, но и семейно-общественной, и даже – природно-космической. В статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» И.А.Гончаров писал: «Меня всюду поражал процесс разнообразного проявления страстей, т.е. любви, который, что бы ни говорили, имеет громадное влияние на судьбу и людей и людских дел» .

По мнению писателя, именно любовь является то мотивом, то содержанием, то целью почти всякого действия человека; любовь может двигать миром, управлять волей людской. Любовь у И.А.Гончарова выступает условием и средоточием добра, истины и красоты, более того, любовь является одновременно и этикой, и психологией, и постижением божественного.

В романе «Обрыв», по признанию автора, он «исчерпал... почти все образы страстей». Обрисованные в романе разнообразные типы любви не только являются характеристикой современного общества (человечества), но и представляют собой и основные периоды человеческой истории.

Материалом исследования является текст романа «Обрыв». В ходе работы изучению подверглись и лексикографические источники: «Этимологический словарь русского языка» в четырех томах М. Фасмера, «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В Шанской, «Толковый словарь живого великорусского языка» в четырех томах В.И.Даля; «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка» в четырех томах под редакцией, Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка» в четырех томах под редакцией А.П.Евгеньевой, «Словарь современного русского литературного языка» в семнадцати томах; «Словообразовательный словарь русского языка» в двух томах А.Н. Тихонова, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И.Молоткова, а также сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Актуальность данного дипломного проекта определяется тем, что работа написана в русле одного из современных направлений науки, в русле когнитивной лингвистики.

Предметом анализа является концепт *любовь* в романе И.А.Гончарова «Обрыв».

Объектом исследования в нашей работе являются языковые единицы

словного (лексемного) и сверхсловного характера (словосочетания, устойчивые словесные комплексы), являющиеся вербализаторами концепта *любовь*, а также парадигматические, синтагматические, словообразовательные и ассоциативные связи имени поля как отражение признаков этого концепта, представленного в русской языковой картине мира и в индивидуальной языковой картине мира писателя

Цель работы – выявить специфику концепта *любовь* в творчестве И.А.Гончарова на основе сравнения средств вербализации данного когнитивного образования в русской языковой картине мира и в индивидуальной картине мира писателя.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Показать способ передачи языковыми средствами общих, инвариантных составляющих концепта *любовь* в современном русском языке на материале толковых, лингвистических словарей.

2. Проанализировать семантические отношения между компонентами лексико-фразеологического поля, вербализующего концепт *любовь* как элемент русской языковой картины мира.

3. Выявить и описать состав и структуру лексико-фразеологического поля *любовь* в романе И.А.Гончарова «Обрыв».

Научная новизна данного исследования определяется тем, что в нем впервые рассматриваются средства вербализации и признаки концепта *любовь*, как инвариантные, то есть – общие для носителей русского языка, так и специфичные, свойственные только картине мира И.А.Гончарова в романе «Обрыв».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что исследование средств вербализации концепта *любовь*, семантических отношений между ними позволяет представить особенности связи между лексическими и фразеологическими единицами в семантическом пространстве (или в языковой картине мира) и соответствующими концептами в русской концептосфере.

Практическая значимость работы заключается в ее применении на

занятиях, посвященных изучению творчества И.А.Гончарова в школе или вузе, для подготовки элективного курса по языку писателя. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографической практике при описании семантической структуры слов, содержащих сему *любовь*, в вузовском курсе преподавания русского языка.

Методологической основой дипломного проекта являются работы С.А.Аскольдова, А.П.Бабушкина, Н.Н.Болдырева, А.А.Залевской, В.И.Карасика, В.В.Колесова, Е.С. Кубряковой, Д.С.Лихачева, В.А.Масловой, В.А.Пищальниковой, Ю.С.Степанова, А.Вежбицкой, И.А.Стернина, И.А.Тарасовой, Г.В.Токарева, Л.О.Чернейко, С.Г.Воркачева, Л.Е.Вильмс, Е.Ю.Балашовой, а также принцип системности и основополагающие категории материалистической диалектики о всеобщей взаимосвязи языковых и внеязыковых явлений, о взаимоотношении языка, сознания и действительности.

При исследовании данной проблемы использованы следующие методы:

- метод семантического поля, позволяющий изучать значение языковых единиц в их связи друг с другом. Такой вид моделирования концептосферы художественного (и иного текста) – средство познания и интерпретации особенностей авторского сознания и результата его творческой деятельности одновременно;

- описательный метод, позволяющий делать классификацию языковых средств вербализации концепта «любовь» с использованием приемов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения и типологизации.

- метод контекстуального анализа рассматривает приемы вербализации концепта «любовь» в условиях контекста романа «Обрыв» И.А.Гончарова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт *любовь* как обобщенный ментальный образ, соединяющий разнообразную информацию о явлении действительности, связанную у носителей языка с данным словом, понимается в динамическом аспекте, как явление, соединяющее в себе логические, культурологические и лингвистические характеристики;

2. Концепт *любовь* как когнитивная единица включает в себя вербализированную (языковую) и невербализированную части;

3. Концепт *любовь* как часть ментального пространства имеет вполне очевидную лингвистическую экспликацию в знакомых формах языковых структур – лексической, морфологической и синтаксической, а также в структурах ассоциативного поля. Исследование природы концепта *любовь* основывается на описании способов его экспликации в тексте, в лексическом и фразеологическом тезаурусе;

4. Основой концептуального анализа текста оказывается движение от понятия к лексической и фразеологической областям его представления и от лексики и фразеологии к концепту, в содержании которого синтезируется информация разных типов. Направление анализа в трех аспектах – лексико-системном, имеющем в своей основе учение о слове как единице лексической системы; функциональном, предполагающем анализ функционирования слова и фразеологизма в контексте коммуникативной деятельности, и когнитивном, опирающемся на основные положения когнитивной лингвистики.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЦЕПТ *ЛЮБОВЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. ПОНЯТИЕ *КОНЦЕПТ* В ЛИНГВИСТИКЕ

В настоящее время в лингвистике отсутствует единообразие в определениях термина *концепт*, но, несмотря на это, бесспорно одно: *концепт* воспринимается как комплексное многомерное социопсихолингвистическое и культурно-значимое образование, которое соотносится как с коллективным, так и с индивидуальным сознанием, со сферой науки и искусства, бытовой сферой и личностной средой обитания языкового субъекта.

Понятие *концепт* прямо соотносится, на наш взгляд, с лингвофилософскими теориями В.фон Гумбольдта и А.А.Потебни. Так, Ю.С.Степанов дает следующие определения: «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. <...> Тот «пучок» представлений, понятий, значений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово <...>. **Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека**» *Концепт* выявляет через посредство языка ментальную сущность человека и его историко-культурную суть.¹

В данном случае налицо аналогия с лингвофилософской концепцией Гумбольдта, который подходил к языку как к основе для постижения «человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя». Для Гумбольдта очевидна связь языка с культурно-историческим развитием народа, язык народа «есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-нибудь более тождественное»² Духовное своеобразие и строение языка народа взаимообусловлены, вследствие чего формируется языковое сознание народа. «Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой он используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Такое определение слова коррелирует с определением *концепта*

¹ [Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Академический проект, 2004: 42-43]

² [Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984: 68]

А.Вежбицкой: «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность»³.

Р.М.Фрумкина считает, что проблема *концепта* связана с проблемой адекватного понимания разными людьми одного и того же понятия: «... следует задуматься о том, как соотносятся между собой ментальные образования, соответствующие одному концепту, в психике разных людей. Естественно думать, что за одним и тем же именем (словом) в психике разных лиц могут стоять разные ментальные образования. Тем самым, не только разные языки «концептуализируют» (т.е. преломляют) действительность по-разному, но за одним и тем же словом одного языка в умах разных людей могут стоять разные концепты»⁴.

Обозначенная ею проблема присутствует и у Гумбольдта: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы»⁵.

В свою очередь А.А.Потебня не устал повторять, что в слове сконцентрирована жизнь и история народа. «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях..., то есть не так, как оно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» хотя в действительности историческая и культурноносная содержательность слова по-разному проявляется в различных речевых ситуациях, создаваемых различными речевыми субъектами.⁶

Прообраз *концепта* – внутренняя форма слова Потебни. Существование и употребление слова, по его мнению, возможны лишь при взаимодействии

³ [Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М: Русские словари, 1997: 304].

⁴ [Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистик своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. - М., 1995: 90].

⁵ [Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984: 165].

⁶ [Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976: 9],

значения слова, его звуковой формы и формы внутренней, представления, которое «есть известное содержание нашей мысли, ... форма, в какой чувственный образ входит в сознание», при этом единичный признак, заложенный в этимологическом значении слова, образно переосмыслившись, становится представлением множественного. Эта множественность и есть комплекс субъективных и культурных наслоений, которым «обрастает» слово в процессе своего существования. А.А. Потебня создает схему образования представления, вызванного словом: в стремлении понять и назвать новое для себя явление «х» человек обращается к своему жизненному опыту «А» и сопоставляет «х» и «А». В результате такого сопоставления возникает образ «а», где в сконцентрированном виде представлено значение «х» в единичном и обобщенном виде. Это «а» и есть сущность внутренней формы слова⁷.

Наблюдая, как изменяется первоначальное значение слова, как оно вбирает в себя все более сложные и множественные понятия, А.А.Потебня выдвигает одну из своих гипотез, которая могла бы стать одним из основополагающих моментов в теории *концепта*, связав тем самым научные парадигмы прошлого и нынешнего столетий: «Важность забвения внутренней формы в положительной стороне этого явления, с которой оно есть усложнение или, как говорил Лацарус, сгущение мысли. Самое проявление внутренней формы, самая апперцепция в слове сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам. Затем, в ряду вырастающих из одного представлений и слов, из коих последующие исподволь открывают от предшествующих и теряют следы своего происхождения, сгущением может быть назван тот процесс, в силу которого становится простым и не требующим усилия мысли то, что прежде было мудрено и сложно... Известно, что истина, добытая трудом многих поколений, потом легко дается даже детям, в чем и состоит сущность прогресса; но менее известно, что этим прогрессом человек обязан языку»⁸

В отечественной лингвистике термин *концепт* был заимствован из англоязычной литературы в середине 70-х годов прошлого столетия, когда встала

⁷ [Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976: 465-466],

⁸ [Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976: 147].

проблема адекватного перевода этого термина в работах зарубежных авторов Шенка, Чейфа, Рассела, Карнапа, Патнема.. Тогда английское *concept* предлагалось переводить как *понятие*.

В лингвистической литературе термин *концепт* трактуется по-разному, поэтому существует несколько определений данного термина. Одни ученые под «концептом» понимают некоторые подстановки значений, «заместители» множества предметов, облегчающие общение и тесно связанные с человеком, его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом⁹.

Другие исследователи, например, В.Н. Телия, считают, что *концепт* – это всё то, что мы знаем о данном объекте во всей экстензии¹⁰.

В нашей работе, вслед за Е.М.Кубряковой, под *концептом* мы понимаем «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹¹.

Многие лингвисты рассматривают *концепт* как совокупность его «внешней», категориальной отнесенности и «внутренней», смысловой структуры, которая имеет строгую логическую организацию.

В основе *концепта* лежит исходная модель основного значения слова, то есть, инвариант всех значений конкретного слова. В этом случае можно говорить о центральной и периферийной зонах концепта. Причем, периферийная зона может вызывать удаление новых, производных значений от центрального значения.

Л.О.Чернейко утверждает, что концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова. По его мнению, когда человек живет, общается, действует в мире «понятий», «образов», «ценностей», «идей» то одновременно на глубоком уровне бытия он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов¹².

⁹ [Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. От теории к структуре текста. Антология – М.: Академия, 1980: 4].

¹⁰ [Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996: 97].

¹¹ [Краткий словарь когнитивных терминов /Под ред. Кубряковой Е.М. – М.: МГУ, 1996: 90]

¹² [Чернейко Л.О. Семантический анализ лексической системы русского языка. – М., 1995: 75].

Природа *концепта* двойственна.

Одним из первых в отечественной лингвистике об этом заговорил С.А.Аскольдов-Алексеев. Определив концепт как зачаточный, вероятностный акт к возможным операциям над действительностью, Аскольдов подразделяет концепты на познавательные (логические) и художественные, то есть – эстетически обусловленные.

Познавательные концепты, заменяя предметы и конкретные представления, только намечают мысленное действие, «но при этом зачаточное, вообще имплицитное, может иметь чрезвычайно четкую динамическую структуру. Только намеченная потенция может быть столь же полной в своих внутренних расчленениях, как и обещаемая ею актуальность <...> Концепт как зачаточный акт к возможным операциям над конкретностями способен уже заключать в себе осуществление логических норм или отступление от них»¹³.

В отличие от познавательных концептов, объективных в рамках данной познавательной модели, существуют художественные концепты, то есть – «концепты познания общности, концепты искусства».

Субъективность художественных концептов предопределяет более широкий спектр возможных путей развития смысла. Связь элементов структуры художественного концепта основана на «чуждой логике и реальной прагматике» художественной ассоциативности. Точнее, развертка концептуальной структуры на основе механизмов ассоциативности подчинена субъективной логике данной системы смысла. Если мы не можем объяснить мотивировку той или иной ассоциации, есть основания предполагать, что мы редуцируем психологические, культурологические или иные факторы описания; «слово как знак связано со своим обозначаемым прежде всего по ассоциации; эта связь условна и на современном уровне чаще всего немотивированна»¹⁴.

Таким образом, концепты представляют собой потенцию, свернутые и структурированные процессы в системе смысла, для которой допустим спектр разных путей развития, ограниченный познавательной моделью и возможностями

¹³ [Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. От теории к структуре текста. Антология – М.: Академия, 1980: 35].

¹⁴ [Овчинникова 1994: 17].

средств, объясняющими концепт: синонимическим и антонимическим рядом, ключевым или тематическим словом в тексте, а также «факультативными» элементами структуры текста. Например, комплексное рассмотрение эмоционального, сюжетно-композиционного, тематического и других уровней текста позволяет говорить об эмоциональных концептах как «прототипических моделях поведения или сценариях, которые задают последовательность мыслей, желаний, чувств»¹⁵.

Современная философская наука также постулирует бистабильность и даже мультистабильность концептуальных структур, утверждая, что в концепте всегда есть составляющие, которыми он определяется, то есть – в нем есть своеобразный шифр.

Концепт – это множественность, хотя и не всякая множественность концептуальна. Не бывает концепта с одной лишь составляющей. Всякий концепт является как минимум двойственным, и даже тройственным и т.д.

Структура познавательных и художественных концептов определяется доминирующими в данных темпомирах (временных планах) познавательными моделями, которые могут быть разными как для писателя, так и для читателя, интерпретирующего текст. В основном познавательные модели заимствуются культурой из научного знания и, наоборот, наука черпает новые перспективы познания в метафорах культуры. Поэтому познавательные и художественные концепты синкретичны (смешаны между собой), хотя изначально эти отношения предполагали первичность культуры. Косвенным подтверждением этого тезиса можно считать и этнологические выводы Л.Леви-Брюля о дологических формах мышления, бытующих в примитивных культурах¹⁶.

Связи в структуре художественного концепта всегда основаны на метафоре. Художественный текст характеризует объект описания полнее, нежели, например, научное повествование, так как система смысла художественного произведения формируется из структур познавательных и художественных концептов. В пространстве науки и культуры познавательные концепты представляют собой

¹⁵ [Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М: Русские словари, 1997: 326].

¹⁶ [Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М., 1980].

взаимообусловленные процессы формирования смысла, зафиксированные в познавательных моделях. Впрочем, по справедливому замечанию Н.О.Кустовой, «неправомерно уподобление собственно мышления (особенно творческого мышления!) процессам логического оперирования по условным правилам, ... отсутствие логического оперирования отнюдь не исключает способность к творчеству, но значительно затрудняет передачу и ассимиляцию новых идей»¹⁷.

В качестве примера М.Р.Проскуряков предлагает рассмотреть концепт «машина», который является доминирующим для познавательной модели XVIII-XIX века.

Другие концепты, такие как «человек», «природа», «любовь» в этот период приобретают сходную структуру, или, другими словами, рассматриваются через призму доминирующего концепта-интерпретатора.

Поскольку научное знание XIX века уделяет большое внимание «изучению процессов возникновения новых структурных элементов, увеличения сложности», то в этот период начинает рассматриваться как сложное структурное целое и сам человек.

В формировании познавательной модели усилия науки, культуры и искусства синкретичны, что, в частности выражается в большей, чем это было принято считать, близости систем смысла научного и художественного текста.

Вплоть до первой четверти XX столетия художественный концепт гораздо ближе к норме научного концепта, чем в конце нашего века, что отнюдь не мешало писателям применять в художественных произведениях логические концепты, организующие научные модели познания, а ученым использовать художественные метафоры в описании научных объектов знания. Это совершенно логично, так как близость целей художественного творчества и науки очевидна.

---

¹⁷ [Кустова Н.О. Кооперативные и конкурентные эффекты в развитии культуры и ее информационного базиса // Синергетика и психология. – СПб., 1997: 116].

1.2. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

К этимологии слов *любовь*, *любить* обращались многие русские и зарубежные писатели. Например, такие, как Л.Н.Толстой, который считал, «любить, значит жить жизнью того, кого любишь», «любовь - это бесценный дар, это единственная вещь, которую мы можем подарить и всё же она у тебя останется».

М.Горький устами своего главного героя в романе «Фома Гордеев» определял любовь «как огонь для железа, которое хочет быть сталью» То есть, любовь, по мнению писателя, огромный стимул для самосовершенствования человека.¹⁸

И.С.Тургенев, в каждом из произведений которого обязательно присутствует тема любви, полагал, что любовь - огромная сила, «только ею, только любовью держится и движется жизнь»¹⁹.

О всепобеждающей силе, могуществе этого чувства писал французский классик О.Бальзак: «Любовь – удивительный фальшивомонетчик, постоянно превращающий не только медяки в золото, но и нередко золото в медяки»²⁰.

Многие писатели отмечали и многогранность любви. «Если сколько голов, столько умов, то и столько сердец, столько родов любви», - сказала Анна Каренина, героиня одноименного романа Л.Н.Толстого²¹.

К.Г. Паустовский, словно повторяя мысль Льва Николаевича, утверждал: «...у любви тысячи аспектов, и в каждом из них - свой свет, своя печаль, своё счастье и своё благоухание».

В философии слово *любовь* определяется как «в широком смысле стремление друг к другу, предполагающее в своем существовании уважение друг друга и даже способствующее этому». Древнеиндийские веды и древнегреческие философы (Гесиод, Эмпедокл) расценивают в этом смысле любовь как космический принцип, посредством которого усмиряется и объединяется

¹⁸ [Горький М. Фома Гордеев – М: Прогресс, 1979: 101].

¹⁹ [Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. - М.,1967: 65].

²⁰ [<http://www.aforizm.info/theme/lyubov/>].

²¹ [Толстой Л.Н. Анна Каренина. - М.: АСТ, 2005: 430]

Вселенная во всем ее стремящемся к распаду обилии сил и форм.

Шопенгауэр рассматривает любовь как равную состраданию.

В этике любовь – это «добродетель личности в отношении к другой личности, представляющая собой частичку ценности личности любящего и направленная на ценность личности любимого, преданность ему... Ибо все, что есть в тебе ценного, выполняет свое назначение тем, что является также ценным «для кого-то» .

1.2.1. Этимологический Анализ Концепта Любовь.

По мнению учёных И.Ю. Левовой и Л.А.Пашниной, внутренняя форма концепта *любовь*, то есть выражающих его слов - любить, любовь - противоречива, разорвана и местами как бы исчезает из ментального поля концепта²².

Глагол *любить* по своему происхождению и форме - каузативный, то есть означающий «вызывать в ком-то или чём-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать это»²³.

По своей форме глагол *любити* в точности соответствует древнеиндийскому слову, обозначающему «возбуждать неодолимое желание, страсть, любовь».

В «Этимологическом словаре русского языка» Фасмера слово *любить* имеет следующее толкование: «**Любить, люблю**, укр. *любити*, блр. *любіць*, др.-русск., ст.-слав. *любити* <...>, болг. *любя* «люблю», сербохорв. *љубити* <...>, словен. *ljubiti*, чеш. *libiti* «любить», польск. *lubić, lubię*, влуж. *lubis* «давать обет», н-луж. *lubiś* – то же. От прилаг. *ľubъ, ст.-слав. *любъ* <...>»²⁴.

Так же можно привести параллели к глаголу *лыбнуться*, корни которого мы находим в русском языке: *у-лыбнуть (обмануть)*, *у-лыбнуться (пропасть)*, *лыбить, лыбиться, у-лыбиться, у-лыбаться*.

²² [Левава И.Ю., Пашнина Л.А. Любовь как ценность. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический. - 2006: 2].

²³ [Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1971: 189].

²⁴ [ЭСРЯ II: 544].

Похожие значения видны и в следующих словах: *ЛЮБОЙ*: общеславянское, индоевропейского характера (ср. нем. -lieb- ‘милый, любимый’; лат. -libet- ‘нравиться’, др.-инд. -lubhyati- ‘чувствует неодолимое желание, страсть’). Первоначальное значение – ‘возбуждающий неодолимое желание, страсть, любовь’, затем - ‘Тот, кто при свободе выбора нравится больше’. *ЛЮТЫЙ*: общеславянск., возможно, является родственным прилагательному *люб*, в таком случае *лютый* буквально значит ‘возбуждённый’ (корень *leu- ‘быть возбуждённым’).

Таким образом, в значении этого русского глагола видны все компоненты семантики слов ‘обмануть’, ‘исчезнуть’, которые можно объединить в одно значение - ‘сбить со следа’.

Такой в точности семантический компонент представлен в древнеиндийских глаголах, которые совмещают два значения: ‘заблудиться, сбиться с пути, прийти в беспорядок’ и ‘жаждать чего-либо’.

Глагол *льбнуть* в такой форме долго не просуществовал и стал по форме приближаться к другому глаголу *льнути, лнути, лнуть* ‘льнуть телом и душой к кому-либо’. Словарь Д.Н.Ушакова определяет его так: «Испытывая нежное, любовное, дружеское влечение, стремиться быть ближе к кому-либо»²⁵.

Таким образом, каузативный глагол *любить*, покинув своё исходное место и значение (вызывать любовь, влюблять), занял место глагола *льбнуть* и в сочетании с приставкой *-по-* принял его значение ‘впасть в состояние любви, полюбить’.

Другой глагол *льбети* в значении ‘пребывать в состоянии любви, влечения к чему-либо’ сохранялся дольше в виде *любети*. С приставкой *у-* он означал ‘понравиться, полюбиться’²⁶.

Улюбити был активным глаголом действия, означавшим ‘полюбить кого-либо, что-либо’, а глагол *улюбети* был глаголом неактивного состояния, он означал ‘понравиться, полюбиться’. Фонетическое сходство способствовало тому,

²⁵ [ТСРЯ II: 189].

²⁶ [Лева И.Ю., Пашнина Л.А. Любовь как ценность. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический. - Лева, Пашнина 2006: 2].

что последний по форме и семантике как бы влился в первый. Таким образом, глагол *любить* занял место остальных глаголов и вобрал в себя все их значения, все смысловые различия были стёрты.

Семантика старого глагола состояния проступает в причастии на *-имь-*, которое сохраняет своё исконное, не пассивное, а медиальное значение - то есть, значение действия, совершающегося «для себя», «внутри себя». Так, старославянское слово *лежимь* буквально означало ‘лежимый’, то есть ‘не укладываемый, а лежащий’; подобно этому *любимь* значит не только ‘любимый’, но и ‘любящий’. В старославянском языке оно могло быть формой только глагола *любити*, а в древнерусском – формой как *любити*, так и *любети*. У этого причастия, как и у глагола, к тому же сохранялось старое управление: дательный падеж, указывающий на стремление к цели.

Глагол *любить* этимологически связан со словами *улыбка*, *улыбнуться* и становится действием-ответом на возбуждение любви, а греческое слово от того же корня, будучи пассивным причастием, означает не чувство, а тело - продажную женщину, блудницу.

В народе, в быту вместо слова *люблю* говорят *жалко*, *жалую* (кого-то, что-то). *Жалеть* – глагол того же спряжения, что и древнерусское *любети*, но он передаёт не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе, не случайно *жалеть* от того же корня, что и глагол *жалить*. Опять-таки и при этом способе выражения сам концепт *любовь* остаётся незатронутым, не выраженным ярко, на него лишь извне, слегка намекается.

К объяснению сути концепта *любовь* более приближено, насколько это возможно, другое слово, не глагол, а имя: древнерусское *любь*. Это слово может выступать и как имя прилагательное *любь*, *любо*, *люба*, что означает *милый*, *милое*, *милая*, и как наречие *любо*, то есть ‘мило, хорошо’, и как существительное - имя любви, *любось*, *любы* или *любо*.

Как существительное древнерусское слово *любо* воспроизводит древнейший индоевропейский способ образования абстрактных имён чувств, качеств и т.п.: без всяких суффиксов от прилагательных. Так, например, в латыни слово *verum* обозначает *истина*, по форме - это просто прилагательное среднего

рода ‘истинное, верное’. Позднее в истории каждого отдельного языка эти первичные имена заменяются суффиксальными образованиями: латинское *verita-*, русское *любы, любовь*.

Что же означал сам корень *-люб-*?

Ближайшую и единственную точную параллель к славянскому даёт готский язык, как считают И.Ю.Лева и Л.А.Пашнина, где имелось прилагательное *-liufs-*, что означает ‘милый, любимый’ и производные от того же корня. Однако это лишь одно из значений данного корня. Косвенным образом, по семантическим следам восстанавливаются ещё два значения: ‘надёжный, верить’ (готское *ga – laubjan*) и ‘ценный’ (готское *ga-laufs*). Все эти значения как бы совмещены в древне-верхне-немецком слове *ga-laub*, то есть, ‘возбуждающий доверие, приятный’. К тому же в современном немецком есть слово *glauben*, что значит ‘верить’; *glaub*, что значит *вера*, в том числе и в христианском смысле.

Таким образом, все эти семантические признаки указывают на то, что концепт *любовь* развивался по семантической модели, обозначающей ‘взаимные отношения двух лиц’. В зеркале языка концепта *любовь* словно отражается результат борьбы себя с другим, попеременной инициативы, круговорота общения.

Действительно, его можно найти в русской и английской языковых моделях этого чувства, в концепте *нравится*. Действию направления, которое будет протекать во мне, в объекте А, предшествует внутреннее состояние подготовки, принаравливания, протекающее в ней или в нём, в объекте В. Это более точно выражается словами *подходят, начинают подходить друг к другу*. Здесь перед нами имеется элемент сравнения.

В точности такой же элемент мы находим в английской модели *I like her (him)*, что означает *она (он) мне нравится*, даже по буквальному, этимологическому смыслу слова - *я подобен ей (ему)*. Отличие от русской модели лишь в том, что объект – А (я) представлен здесь более активным в субъективной, а не в объективной форме. Но элемент сравнения подчёркнут определённое. Глагол *like* – ‘нравиться, любить’ по происхождению то же самое, что и *like* – ‘подобный’. Предшествовали им исторически древнеанглийское *lician* ‘нравиться

' и готское *leikan*. С тем же значением основаны на словах со значением 'тело, плоть' общегерманское *lika*, древнеанглийское *lic*, средне-верхне-немецкое *liche*, современное немецкое *leiche* женского рода, что значит 'труп', от которых происходят прилагательное со значением 'подобный' в английском языке. Не случайно и то, что такой способ сравнения выступает в готском языке в композиции с прилагательным *милий, любезный сердцу*. Это слово служило переводом греческого слова, означающего 'внутреннее расположение как объекта А к В, так и наоборот: объекта В к А', то есть 'благосклонность'.

Русское слово *норов* имеет индоевропейский прототип, который выступает таким же компонентом сравнения в сложных прилагательных. Отличие от германской модели в том, что компонентом сравнения выступает *тело*, а здесь *дух, характер, нрав*.

Компонент *подобие* внутри концепта *любовь* выступает не в статичном, а в динамичном плане: как уподобление друг другу, а не просто *подобие*. Это отражено в русском слове *влюбить (в себя)* 'заставить любить', где в самом значении слова заложено действие, динамика.

Резюмируя, следует сказать, что языковой концепт *любовь*, с точки зрения этимологи, складывается из следующих компонентов:

- взаимное подобие двух людей;
- установление, или вызывание этого подобия действием;
- осуществление этого действия, или, скорее, цикла действий по «круговой модели»;
- результат борьбы себя с другим, попеременной инициативы;
- обман;
- неодолимое желание плоти, страсть.

1.2.2. Концепт *Любовь* В Русском Языковом Сознании

Проведя этимологический анализ концепта *любовь*, обратимся к тому, как отражается этот концепт в русском языковом сознании.

В русской культуре, по мнению Ю.С.Степанова, концепт *любовь* понятийно не развит или целомудренно не обсуждается. На то, что в русском языке очень мало слов, выражающих понятие *любовь*, обратил внимание М.М.Пришвин, писавший по этому поводу следующее: «<...> на языке простого народа любовь часто выражает грубочувственную сторону, а сама тайна остается тайной без слов. От этой тайны пылают щеки деревенской красавицы, такими тихими и интимными становятся неуклюжие деревенские парни. Но словом не выражаются»²⁷.

Однако, как нам кажется, это утверждение не совсем верно. Так в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля, созданном в ту же эпоху, что и роман «Обрыв», построенном по корнесловному принципу и включающем в словарную статью не только слова литературного языка, но и областные, читаем: «**ЛЮБИТЬ**, *любливать* кого, что, чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотенье; избранье и предпочтение кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. <...> о страсти половой <...> В арх. говорят *любить*, о снадобье, начать действовать <...> *Любится*, любить друг друга; более говорится о любви половой <...> *Любленье* ср. длит. *любовь* ж. об. (црк. *любы*, род. *любве*) состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположение к чему. <...> страсть. <...> Его сокрушила *любовишка*, *любвишка*. *Любовь* редко употреб. во мн., но тогда не склоняется. *Любимый* прч. кого любят; избранный, кого любят более всех прочих. В пск., твр. *любимы человек* общительный, приветливый, обходительный, вожеватый. *Люб`ящий* прч. если произносится *л`юбящий*, значит способный любить, одаренный горячим и нежным нравом, желающий любить. *Любимая-трава*, царевы-очи, росянка, *Drosera*; || злак *Triticum strigosum*, белоплощатый. *Любим*, растн. кукушка, *Orchis maculata*. *Любима* ж. сиб. собачки, семена растений, пристающие к полам одежды. *Любезный*, любимый, милый, возлюбленный, дорогой, к кою или к чему мы сердечно привязаны; любви достойный, заслуживающий расположение, сердечную привязанность. *Любезный друг*, воззвание к близкому человеку или к низшему, привет. *Любезная*

²⁷ [Пришвин М. Избранное. – М.: ГИХЛ, 1946: 11].

родина моя. Любезное дело, желанное, приятное. Любезный молодой человек, образованный, приятный в обращении. Он любезно говорил со мною, снисходительно, приязненно. Любезность ж. свойство, принадлежность, состояние любезного. *Любезничать* с кем, стараться быть любезным, казаться таким. *Любезничание* ср. действ. по знач. гл. *Любезник* м. –ница ж. *любич* ряз. сиб. охотник любезничать, миловзор, волокита; желающий нравиться. *Любитель* м. –ница ж. *чего*, охотник до чего, любящий что. <...> *любительно*, по любви, любя, с любовью, дружелюбно, доброжелательно. *Любимец*, –ница, *любим*, *любимка*, любимый человек или животное, кого предпочитают другим, любят более прочих. *Любимчик* м. любимец. *Любимцев*, *любимчиков*, *любимицын*, им принадлежащий. <...> *Любленик* м. –ница ж. возлюбленный, милый, любимый человек. *Любый*, *любая* прилг. любезный, любимый, возлюбленный, милый, нравный. *Люб* и *люба* употреб. также в виде сщ. кого я избрал или облюбывал, полюбил; друг, подруга, милый. *Любка*, *любочка*, *любаша*, *-шка*, *-шенька*, *-щечка*, *любущика*, *любонька*, *любава*, *-вочка*, *-вушка* и пр. ласкательные и приветственные прозвища милой, дочери, сестры, жены и пр., нередко заменяющие также имя *Любовь*, или принимающие значение любовницы. <...> || *Любóй*, *твр. пск. л`юбий*, который при свободе выбора, лучше нравится; избираемый по вкусу, по желанию; взятый на выбор. <...> *Любо* нар. по нраву, нравно, приятно, угодно, пригоже; утешительно, весело. <...> || Стар. либо. *Любо-дорого*, прекрасно. <...> *Любóк* м. любая вещь, любое, что выбрано. <...> *Любкóвый*, к любку, к любому, облюбыванному относящийся. <...> *Любки* м. мн. любок, свобода, воля выбора; положение, где делаешь любое, что хочешь из двух или более предложений. <...> *Любкий*, *любчивый*, склонный к любви, горячий сердцем по любви, по расположению к добру. || *Любкий* (сиб.), милый, любезный, любимый. *Любкость*, *любчивость* ж. состн. любкого человека. *Любчий*, любящий дружелюбный. <...>. *Любчик*, деревенский талисман. <...> *Любовать* что, запд. юж. выбирать любое, избирать по нраву. <...> *-ся* чем или на что; смотреть на что с любовью, с удовольствием; осматривать, что нравится; наслаждаться, созерцанием. <...> *Любованье* ср. действ. по значению гл. *Любовальщик* м. –щица ж. кто чем любит; более в шутку. <...> *Любáвый* смл. любимый, вкусный, особенно о мясе. *Любовинное* или *любовина* ж. *любовчина*, чистое, хорошее мясо, без жиру

или костей и сухожилия. *Любовщина*, любое, что полюбилось, на выбор; || кур. свиное мясо, остающееся на сале после среза его. *Любѣц* м. привада для раков, мясо для приманки их. *Любязга* об. милый, любезный, веселый человек, приятный и добрый товарищ, собеседник, добрый малый. *Любжа* ж. ярс. кур. орл. любовь <...> || Любовное зелье, корень, приворотный напиток. <...> *Любовный*, к любви относящийся, дружеский, согласный, или мирный. <...> *Любовность* ж. состоянье, свойство любовного. *Любовник* м. –*ница* ж. влюбленные в друг друга, чета любящая или состоящая в супружеских отношениях. –*ников*, –*ничий*, ему, ей принадлежащий. <...> *Любовничать*, амуриться, волочиться, влюбляться взаимно. *Любвеобильный*, полный любви, любовный. *Любодружный*, приветливый, дружелюбный, доброжелательный. *Любодружий*, к милому другу относящийся. *Любодейство*, –*деяние* ср. блуд. –*дейный*, –*действенный*, к сему относящийся. –*действовать*, –*дейничать*, –*деять*, впадать в блудный грех. *Любодей*, –*дейник* м. –*дейка* ж. живущий в незаконной плотской связи. –*деев*, –*дейкин*, им принадлежащий. *Любодейчиц* м. жировой, прогульный, безбрачно рожденный. *Любознание* ср. –*знательность* ж. дельное любопытство, любовь к наукам, к познаниям, желание поучиться. –*знательный*, в ком есть любознание. *Любозритель* м. –*ница* ж. любопытный зритель, занятый созерцанием чего. *Любомилостивый*, милосердный. *Любомолчание* ср. молчаливость, малословие. –*молчанный*, молчаливый, небеседливый. *Любомудрие* ср. –*мудрость* ж. философия <...> –*мудрый*, –*мудренный*, к любомудрию относящийся; мудрости достигший. –*мудрствовать*, философствовать. *Любомудр* м. –*мудрец* м. философ, мудрец. <...> *Любосластный* сластолюбивый, сладострастный. <...> *Любострадалец* м. страждущий со смирением и любовью. <...> *Любострастие* ср. предание себя на волю плотских побуждений; впадание в скотское состояние. –*страсный* к сему состоянию относящийся. *Любострастная болезнь*, от плотских похотей происходящая; сифилитическая, венерическая (французская, дурная, нехорошая, постыдная)»²⁸.

Важно отметить, что объем словообразовательного гнезда, возглавляемого глаголом *любить*, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н.Тихонова уже в два раза превышает количество слов из словарной статьи в

²⁸ [Даль В.И. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1989. – Т. II: 282-283].

словаре В.И.Даля (147 и 288 слов)²⁹.

В толковых словарях русского языка словарные статьи слов *любить*, *любовь* различаются количеством выделяемых значений, иногда толкованием.

Так, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова выделяются два значения слова *любовь* и четыре значения слова *любить*: «**ЛЮБОВЬ** <...> 1. Чувство самоотверженной сердечной привязанности <...>. 2. Склонность, пристрастие к чему-н.»; «**ЛЮБИТЬ** <...> 1. *кого, что*. Испытывать любовь к кому-чему-н <...>. 2. *что и с неопр.* Иметь склонность, пристрастие к чему-н. 3. *с союзами*. Быть довольным чем-н., чувствовать удовлетворение от чего-н. <...> 4. *что*. Нуждаться в каких-н. условиях». Словарная статья *любовь* в «Словаре русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой содержит три значения слова с его оттенками, а в словарную статью *любить* включено четыре значения слова с его оттенками: «**ЛЮБОВЬ** <...> 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. <...> || Чувство расположения, симпатии к кому-л. <...> 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. <...> || *чья*. О человеке, внушающем такое чувство. <...> || Любовные отношения. <...> 3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. <...> || Пристрастие к чему-л.»; «**ЛЮБИТЬ** <...> 1. Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л. <...> || Испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л. <...> 2. Чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола. <...> 3. *также с неопр.* Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. <...> || Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л. <...> || *с придаточным дополнительным*. Быть довольным чем-л., отдавать предпочтение чему-л. <...> 4. Нуждаться в каких-л. условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях) <...>».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова находим четыре значения слова *любовь* и шесть значений слова *любить*: «**ЛЮБОВЬ** <...> 1. *только ед.* Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. <...> || Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости <...> || Такое же

²⁹ [Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Русский язык, 1981- I: 378-383]

чувство, основанное на инстинкте. <...> 2. *только ед.* Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. <...> 3. *перен.* Человек, внушающий это чувство (разг.). <...> 4. *только ед.* Склонность, расположение или влечение к чему-л. <...>; «**ЛЮБИТЬ** <...> 1. *кого-что.* Испытывать любовь (в 1 знач.) <...> 2. *кого-что.* Испытывать любовь (во 2 знач.), половое влечение к кому-н. <...> || *без доп.* Быть влюбленным, переживать чувство любви. <...> || 3. *что.* Испытывать внутреннюю склонность, внутреннее влечение к чему-н. <...> || *кого-что.* Испытывать чувство удовольствия от кого-чего-н., питать внутреннюю склонность к этому лицу или предмету, стремиться к тому, чтобы слышать, видеть, воспринимать это лицо или предмет. <...> || *с инф.* Иметь пристрастие, склонность к какому-н. занятию, действию. <...> 4. *с союзами.* Быть довольным чем-н., чувствовать удовольствие, удовлетворение от чего-н. <...> 5. *перен., что.* Испытывать благотворность, полезность какого-н. воздействия <...> || *с отриц.* Не выносить, испытывать вред, ущерб, от какого-н. воздействия. <...> 6. *Д.н. любя* употр. в знач. нареч.: любовно, ласково, без злобы. <...>» .

Концепт *любовь* в русском языковом сознании стоит в одном ряду с такими концептами, как *счастье, вера, надежда, свобода*. Он напрямую связан с формированием у человека понимания смысла жизни, её цели, достижение которой не ограничивается только границами индивидуального бытия человека. Концепт *любовь*, в отличие от его ближайших соседей *счастье, блаженство*, невозможно описать, используя строгие термины сущностных признаков, объясняющих конкретные причины возникновения этого чувства. И если семантику слова *счастья* можно определить как *наслаждение, покой, самореализация, осуществление задуманного*, то есть выразить значение этого слова очень конкретно, применительно к той или иной ситуации, то семантику слова *любовь* конкретными терминами объяснить невозможно.

Концепт *любовь* как, наверное, никакой другой соответствует представлению о «неопределимой сущности бытия в неопределённой сфере сознания». Поэтому вполне обосновано считается, что в единицах естественного языка отражается «наивная», первозданная картина мира его носителей, а

лексическая семантика представляет собой «обыденное сознание» народа (этноса), в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология.³⁰

Специфические же черты этого сознания, этнический менталитет, то, что в русской традиции называется «духовностью», хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творчества. Рассмотрим некоторые из них.

Большая часть паремиологического фонда русского языка представлена в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа».

В паремиологическом фонде русского языка представлены различные признаки концепта *любовь*. Так, например, немотивированность выбора объекта, индивидуализированность выбора, его «неподконтрольность» - всё это иллюстрируют пословицы «*Любовь зла – полюбишь и козла*», «*Любовь слепа*», «*Любовь ни зги не видит*».

Из числа дефиниционных признаков концепта *любовь*, наиболее ярко представленных в русском пословичном фонде, следует отметить признак ценностной ядерности (центральности), предмета любви, отсутствие которого (возлюбленного) отражается на эмоциональном фоне пословиц: «*Не милое пряхё, где милого нет*»; «*Не мил свет, когда милого нет*»; «*Дружка нет, не мил и белый свет*»; «*Без тебя опустел белый свет*»; «*Без тебя загдох широкий двор*»; «*Миленок и не умыт белёнок*» и т.д.

С другой стороны, часть пословиц отражает интенсивность желания соединиться с любимым: «*Хоть топиться, а с милым сходиться*»; «*К милому другу круг (крюк) не околица*»; «*К милому и семь вёрст не околица*»; «*Не далеко к милому - девяносто в сторону*»; «*Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить*».

Признак рациональной немотивированности выбора объекта вкупе с признаком «неподконтрольности» в пословичном фонде русского языка представлен паремиями (пословицами): «*Полюбится сова – не надо райской*

---

³⁰ [Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб, 2002: 51].

птички»; «Покажется (полюбитя) сатана (сова) лучше ясного сокола»; «Любовь зла - полюбишь и козла»; «Приглянулся чёрт ягодкой»; «Полюбитя сова лучше ясного сокола»; «Деревеница Ермил, да посадским бабам мил» и др.

Ещё один дефиниционный признак концепта *любовь* в пословичном фонде русского языка – «индивидуализированность выбора объекта» - представлен следующими паремиями: *«В милом нет постылого, а в постылом нет милого»; «Хоть ряба, да мила»; «Милому мила – и без белил бела»; «Каждому своя милая - самая красивая»* и др.

Противоречивость чувства любви в пословичном фонде русского языка отражена такими паремиями: *«От того терплю, кого больше люблю»; «Милого побои недолго болят»; «Кто кого любит, тот того и бьёт»; «Милый ударит - тела прибавит»; «Любит, как кот сало»; «Спереди любил бы, а сзади убил бы»* и др.

В семантическом составе лексических единиц, передающих понятие *любовь* в естественном языке, выделяются три уровня признаков. Прежде всего, это дефиниционные семы, совокупность которых совпадает с дефиниционной частью полного (но не избыточного) определения и позволяет выделить предмет из класса ему подобных.

Избыточные признаки, несущие информацию, превышающую необходимый и достаточный минимум сведений для такого определения, являются энциклопедическими. И наконец, ряд семантических признаков занимают промежуточное положение между дефиниционными и энциклопедическими: они представляют собой переформулировку дефиниционных, либо логические следствия из них и являются имплицативными.

Обобщённый прототип любви, её семантическая модель, построенная на основе анализа представлений о ней в научном типе сознания, в этнических и психологических исследованиях и словарях, выглядит таким образом: *любовь* - это чувство, вызываемое у субъекта в системе его личностных ценностей при условии абсолютной немотивированности выбора этого объекта и его уникальности, индивидуализированности; при этом любящий испытывает потребность получить предмет своей любви в «личную сферу», быть его собственником, желает ему

добра, процветания и готов ради него идти на любые жертвы, заботиться о нём, брать на себя ответственность за его благополучие; он находит в любви смысл своего существования и высшую мораль.

Любовь полна противоречий: она всегда амбивалентна, то есть, любящий человек испытывает к партнёру двойственные чувства - от трепетной нежности до испепеляющей ненависти; любовь приносит высочайшее наслаждение и такой же силы страдание, она всегда результат свободного выбора объекта и одновременно крайней от него зависимости. Совершенная любовь, если таковая существует, это особое состояние, когда оба партнёра взаимодополняют друг друга, когда страсть, «любовная горячка» уступает место единению людей, полной гармонии. Именно этот семантический прототип любви, практически не освещённый культурно-языковой спецификой, и будет принят в нашем дипломном проекте за «высшую логику» при анализе национальной формы «обыденного» сознания. Его семантическое ядро образуют дефиниционные признаки, связанные с ценностью («благом»): сам признак «ценность» идентифицирует любовь со сферой оценочных эмоций, то есть признак положительности этой ценности противопоставляет любовь ненависти, безразличию, а признак центральности этой ценности в системе личностных ценностей субъекта, немотивированности выбора объекта, его индивидуальности и неповторимости отделяют любовь от других видов положительного эмоционального отношения. Ближайшие семантические признаки любви связаны с центральными имплицативно: одни из них явственны, и в большинстве случаев представляют собой своего рода реакцию субъекта на главенствующую роль объекта в его жизни - субъект готов идти на жертвы ради сохранения объекта в своей жизненной сфере, он благожелателен, заботлив, очень ответственен за сохранение гармонии в любовных отношениях, предан - всё это представляет для данного человека смысл существования в данный момент. Все остальные признаки являются энциклопедическими и освещают преимущественно условия возникновения и протекания этого чувства: стрессовость, динамизм, «оптический обман», ресурсность, соматика и пр.

Следует отметить так же, что если в словаре имя концепта представлено в иерархической совокупности всех семантических признаков: дефиниционных,

избыточных, энциклопедических и прочее, то при употреблении его в составе предикативных единиц акцент обычно делается на какой-то один из них, помещаемый говорящим в коммуникативный фокус высказывания.

1.3. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Таким образом, проанализировав концепт *любовь* в русской языковой картине мира, мы пришли к следующим выводам:

1. Концепт *любовь* как обобщенный ментальный образ, соединяющий разнообразную информацию о явлении действительности, связанной у носителей языка с данным словом, является явлением динамическим, соединяющим в себе логические, культурологические и лингвистические характеристики, развивающимся от эпохи к эпохе;

2. Наличие столь значительного числа производных слов, образованных от слова *любить* (288), многозначность слов *любить*, *любовь*, существование у них оттенков значений, а также функционирование в русском языке большого количества пословиц и поговорок, связанных с концептом *любовь* свидетельствует о том, что этот концепт находится далеко не на периферии русского языкового сознания;

3. В ходе этимологического анализа слова *любовь* в русском языке выявлены следующие семантические составляющие концепта:

- любовь – это взаимное подобие двух людей;
- это установление, или вызывание этого подобия действием;
- это осуществление данного действия, или, скорее, цикла действий по «круговой модели»;
- это результат борьбы с другим, попеременной инициативы;
- это обман;
- это неодолимое желание плоти, страсть.

4. Исследование паремиологического фонда русского языка позволило добавить к уже выделенным компонентам следующие:

- любовь – это чувство, характеризующееся особой ценностью для влюбленного, отсутствие предмета любви приводит к негативным последствиям;

- это способность вызывать в ком-то ответное действие, носящее позитивный или негативный характер;

- это чувство, которое характеризуется немотивированным выбором объекта;

- противоречивое чувство.

5. Прототип любви, её семантическая модель, построенная на основе анализа представлений о ней в научном типе сознания, в этнических и психологических исследованиях и словарях, выглядит таким образом: *любовь* - это чувство, вызываемое у субъекта в системе его личностных ценностей при условии абсолютной немотивированности выбора этого объекта и его уникальности, индивидуализированности; при этом любящий испытывает потребность получить предмет своей любви в «личную сферу», быть его собственником, желает ему добра, процветания и готов ради него идти на любые жертвы, заботиться о нём, брать на себя ответственность за его благополучие; он находит в любви смысл своего существования и высшую мораль. Любовь полна противоречий: она всегда амбивалентна, то есть, любящий человек испытывает к партнёру двойственные чувства - от трепетной нежности до испепеляющей ненависти; любовь приносит высочайшее наслаждение и такой же силы страдание, она всегда результат свободного выбора объекта и одновременно крайней от него зависимости. Совершенная любовь, если таковая существует, это особое состояние, когда оба партнёра взаимодополняют друг друга, когда страсть, «любовная горячка» уступает место единению людей, полной гармонии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

2.1. АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

«...Вы правы, подозревая меня...в вере в всеобщую, всеобъемлющую любовь и в то, что только эта сила может двигать миром, управлять волей людской и направлять её к деятельности...»

«Может быть, я и сознательно и бессознательно, а стремился к этому огню, которым греется вся природа...»

И.А.Гончаров

«Обрыв», безусловно, лучшее произведение автора. По признанию самого И.А.Гончарова, он вложил в этот роман все свои «идеи, понятия и чувства добра, чести, честности, нравственности, веры – всего того, что должно составлять нравственную природу человека»³¹.

Как и прежде, в этом произведении писателя волновали «общие, мировые, спорные вопросы» о религии, долге, семье, её устройстве, об эмансипации женщины. Безусловно, все эти проблемы не новы в творчестве автора и не раз уже рассматривались им в других произведениях, однако только в «Обрыве» И.А.Гончаров преломляет их сквозь призму взаимоотношения полов. Именно отношения Мужчины и Женщины становятся ведущей движущей силой развития сюжета романа. Не случайно он назван литературоведами, такими как Н.К.Пиксанов, Н.Старосельская, А.Рыбасов своеобразным «эпосом любви»³².

«Обрыв» – роман социальный и в тоже время это роман о любви в её многочисленных видах и проявлениях. Само по себе такое сочетание вполне характерно для русского и для европейского реалистического романа XIX века, в котором любовная фабула подчас становится просто романтической условностью для проведения автором своей социальной установки. Крайней формой подобного

³¹ [Гончаров И.А. Собрание сочинения в 8-ми томах. – М: Гослитиздат, 1952-1955. VIII: 174]

³² [Недзвецкий В.А. Реализм И.А.Гончарова. - М., 1973; Рыбасов 1957]

романа в литературоведении признан роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Но в «Обрыве» - это сочетание не столь прямое. И.А.Гончаров сам говорит о выделении им любовных отношений в особую сферу в статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» следующее: «Вообще меня всюду поражал процесс разнообразного проявления...любви, которое имеет громадное влияние на судьбу - и людей и людских дел».³³

Особый предмет изучения для И.А.Гончарова в этом романе составляют разнообразные любовные сюжеты, очень часто содержащие сексуальную подоплёку, своего рода типология любовных отношений, не связанных напрямую с социальностью, которая всё же многое объясняет в том или ином повороте в развитии сюжета. Если ранее И.А.Гончаров говорил: «Каковы характеры, такова и любовь», то в «Обрыве» он «не ограничивает изображение страсти пределами лишь характера, а ищет в ней выражение духа времени, исканий, борьбы, уровня развития общества, мирозерцания».³⁴

Стержнем романа стал поиск главным героем, Борисом Райским, идеала женщины, которая могла бы послужить прототипом положительной героини в задуманном им романе. «Диоген искал с фонарём «человека»- я ищу женщины: вот ключ к моим поискам!» - говорит герой, объясняя свои поиски.

Романтическая натура, художник в душе и в жизни, Райский ищет свой идеал любви и женщины и в аристократическом доме Пахотиных, и в скромном жилище «бедной Наташи» (героини его собственного романа). В конце концов Борис отправился из Петербурга в далёкую провинцию, в родовое имение Малиновку, что на берегу Волги: «С одной стороны Волга с крутыми берегами и Заволжьем; с другой - широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и всё это замыкалось далью синевших гор...Воздух свежий, прохладный, от которого, как от летнего купания, пробегает по телу дрожь бодрости».

Вот в этом райском уголке и разворачиваются основные события произведения, поиски Борисом Райским идеала женской красоты, идеала любви. В результате этих поисков героем своего идеала роман приобретает вид

³³ [Гончаров И.А. Собрание сочинения в 8-ми томах. – М: Гослитиздат, 1952-1955. VIII: 226

³⁴ [Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. – М.; Л., 1962: 152].

своеобразной иерархической экспозиции разных видов любви, приближённых к идеалу или удалённых от него - некое подобие «Божественной комедии» Данте, в которой герой тоже в поиске идеала проходит все круги ада, чистилище и, наконец, попадает в рай, где обретает истинную любовь.

Все виды любви, представленные в романе, раскрывают общее содержание концепта *любовь* в понимании И.А.Гончарова. 4

2.2. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ЛЮБВИ

Феномен любви не раз рассматривался разными науками, каждая из которых пыталась дать своё определение этому чувству. Проанализировав их, мы выбрали то, которое, на наш взгляд, является наиболее подходящим для рассмотрения концепта *любовь* в романе «Обрыв». В книге Эриха Кирхлера «Руководство по прикладной психологии» находим следующее определение *любви*: «Любовь - это чувство, которое за удивительно короткий срок создаёт очень близкое отношение к другой персоне, причём, что удивительно, это же самое чувство в необычайной степени подвержено опасностям». Любовь приводит к идеализации значимого Другого и в определённой степени к потере собственной идентичности, считает психолог, и с ним трудно не согласиться.³⁵

В научных моделях любовь предстаёт в разных обличьях: от романтического чувства до трезвого расчёта. В соответствии с этим В.В.Мегедь выделила следующие «типы любви»:

1. Любовь-филия. Это глубокая духовная близость, которая строится на общности интересов или служении общей цели. Испытывая такую любовь, люди чувствуют себя счастливыми настолько, что им никто не нужен, кроме друг друга и общего дела, обеспечивающего постоянный приток новых впечатлений, эмоций на фоне глубокого взаимопонимания.

2. Любовь-агапэ. Это самое возвышенное, красивое, духовное, идеалистическое чувство, для которого не страшно время и расстояние. При этом чувственная сторона жизни может быть принесена в жертву далёкому идеалу. Даже когда люди вместе, для них важна прежде всего духовная близость,

---

³⁵ [Кирхлер 1993: 447]

поэтическое созвучие мыслей и чувств. Эта любовь терпелива, она способна долго ждать взаимности и долго верить в неё даже при минимальных шансах.

3.Любовь-мания.

Это слепое, очень эмоциональное чувство, порабащающее любящего и того, на кого оно направлено, причём, важно не столько физическое обладание, сколько эмоциональное порабощение объекта. Физическая измена здесь не так страшна, как измена в чувствах, эмоциональное порабощение партнёра. Ревность в такого рода любви наиболее драматична.

4.Любовь-сторгэ.

Это любовь, полная деликатности и такта, склонная к постоянству и компромиссам ради поддержания гармонии отношений. Это идеальная форма семейной любви, основанная на способности долго поддерживать спокойные дружеские отношения, полные нежности и простоты, глубокой человеческой любви к партнёру, полной сочувствия и снисхождения к недостаткам. Эта любовь раскрепощающая, когда каждый может быть самим собой и душой и телом, когда любят человека просто за то, что он есть. Единственное, чего не прощает эта любовь, грубость, эгоизм, притворство, неискренность, всё то, что противно самой сути этой любви.

5.Любовь-прагма.

Эту любовь принято называть рассудочной, так как она рассудочна, не может возникать стихийно, не может быть слишком чувственной или духовной. Как правило, тот, у кого выражена любовь-прагма, не склонен долго вспоминать, переживать и долго анализировать свою неудачу. То, что нерационально, при этой любви отбрасывается.

6.Любовь-виктория.

Это преимущественно физическая любовь-победа. Над многими или над одним человеком. Чувство это собственническое, независимо от того, бережно ли хранят эту собственность или поступают с нею так, как захотят, с полным правом хозяина.

7. Любовь-эрос.

Эта любовь обязательно включает в себя эротическое влечение и стремление к гармонии ощущений. Она ослепляет человека, заставляет идеализировать партнёра, в ней много физической чувственности, но она не стремится властвовать или подавлять. С другой стороны, её духовность довольно поверхностна и иллюзорна, это романтическое чувство, которое может гореть долго и ярко, но может погаснуть без следа от одного резкого слова или неосторожного поступка.³⁶

2.3. ТИПЫ ЛЮБВИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Слово *любовь* является ключевым словом в романе, оно частотно, о любви рассуждают и главные, и второстепенные персонажи. Рассмотрим подробнее каждый тип любви, опираясь на текст романа И.А.Гончарова «Обрыв».

Автор писал в статье «Намерения, задачи, идеи романа «Обрыв»: «Я не соображал и не рассчитывал..., как алгебраическую выкладку: нет, все эти параллели страстей явились сами собою..., я невольно расшевелил и исчерпал в романе почти все образы страстей» в поисках единственно чистой любви, которая, как писал Данте в «Божественной комедии», «движет солнца и светила».

Характеристику видов любви, представленных в романе, хотелось бы начать с «кругов Ада», то есть, с низших, самых уродливых форм любви, чтобы потом постепенно приблизиться к совершенной Любви, её идеалу.

Концепт *любовь* в романе Гончарова включает в себя следующие компоненты: продажная любовь, любовь-пародия, любовь-прагма, любовь-виктория, любовь-мания, любовь-эрос, любовь-агапэ, любовь-сторгэ, любовь-филия.

1. Продажная любовь.

Продажная любовь в романе «Обрыв» существует в двух разновидностях: любовь ради куска хлеба и любовь-игра.

---

³⁶ [Мегедь В.В. Виды любви в художественной литературе // Соционика, психология и межличностные отношения - 2003- №11 – С. 24-30]

Самой низменной, по мнению писателя, является любовь-игра, ибо жрицы этой любви «не жертвы общественного темперамента». Этой разновидности продажной любви Гончаров уделяет пристальное внимание.

Любовь-игра в романе Гончарова названа именем героини «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Армида своей чарующей красотой обольщает крестоносца Ринальдо. На далеком острове, в ее фантастических садах он на время забывает славу и свою высокую цель. Армидой в художественных текстах называют женщину, которая соединяет искусство обольщать с красотой и грацией. К *Армидам* в романе «Обрыв» относятся дамы полусвета.

В центре лексико-семантического поля *любовь-игра* находятся слова и словосочетания, указывающие, во-первых, на театральную сферу, на присущую ей игру, неестественность, иллюзорность: *тонкие актрисы; играть в любовь; поддельная любовь, со всей утонченной ее игрой; играть в страсти; вечная игра в страсти; искусственные страсти; притворные чувства; роли; маска; маскарадные платья; мир всегда готовых романов и драм*. Во-вторых, к ядру этого лексико-семантического поля тяготеют слова, указывающие на чисто биологические, половые, гендерные различия людей: *мужчина и женщина*. В-третьих, слова и словосочетания со значением платы за любовь, которая измеряется материальными благами, роскошью: *дорого купленная нега; бесконтрольная роскошь; дорогие безделицы; сервизы, экипажи, лошади; брильянты, наряды, золото; заплаченная сумма; «тряпичное царство»; «матерь наслаждений»*. В-четвертых, деструктивная лексика: *жертва; мщение; состариться; разрушить семейное счастье, спокойствие человека; разрушить экономическое благосостояние; завтраки и обеды до утра, и ночи, продолжающиеся до обеда*. В-пятых, лексика со значением отсутствия морали, например, *бесстыдница, бесстыжая, беспутная, блудница*.

На периферии поля находится лексика, относящаяся к такой тематической группе, как семья. Она представлена в главах, описывающих любовь-игру, но слова эти используются либо в сочетании с предлогом *без*: «Этот мир – без привязанностей, без детей, без колыбелей, без братьев и сестер, без мужей и без жен, а только с мужчинами и женщинами», либо в сочетании с деструктивными

глаголами: *разрушить семейное счастье*.

Продажная любовь ради куска хлеба не так ужасна, как любовь-игра. Гончаров сочувствует падшим женщинам, называя их *несчастливыми созданиями*. Описывая эту разновидность продажной любви, писатель также использует лексику, относящуюся к сфере материального, но слова при этом называют тот минимум предметов и явлений, без которых не может обойтись человек: *кусок хлеба, одежда, обувь, кров*.

Таким образом, такой тип любви, как *продажная любовь* включает в себя следующие составляющие: любовь – это игра в чувство; это чисто биологическое понятие, связанное с половым инстинктом; это то, что продается и покупается либо за баснословные деньги, либо за материальный минимум, необходимый для поддержания жизни; это расчет; это разрушение семьи и нравственности.

Семантические составляющие этого типа любви находят свое отражение только на вербальном уровне. С точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, указывающие на чисто биологические, половые, гендерные различия людей; во-вторых, это тематическая группа слов, отражающая материальную сферу жизни; в-третьих, к ядру поля тяготеют слова из такой тематической группы, как театр; в-четвертых, это деструктивная лексика. На периферии поля находится лексика, относящаяся к такой тематической группе, как семья.

С точки зрения парадигматики, слово *любовь* имеет такой контекстуальный синоним, как *игра*.

Описывая особенности продажной любви, автор использует такие эпитеты, как *поддельный, искусственный, притворный, маскарадный, тряпичный*.

На уровне морфологии для характеристики продажной любви используется аллюзивное имя собственное *Армида*.

2. Любовь-пародия.

Есть в произведении писателя и карикатурный вариант концепта «любовь», представительницей которого является вечно молодящаяся Полина Карповна Крицкая.

В имени и фамилии героини заложена семантика, связанная с любовью. Имя Полина имеет значение «Пена – из греч. *Πελαγία*; *πελαγος* морская – эпитет Афродиты». Афродита в греческой мифологии считалась не только как богиней любви, но и богиней плодородия, вечной весны и жизни. Поэтому не случаен выбор отчества вечно молодящейся женщины, образованного от имени *Καρν* «из греч. *καρπος* плод». Полина Карповна носит говорящую фамилию, произведенную от названия острова Крит. Важно отметить, что, характеризуя Полину Карповну, автор использует аллюзивное имя Армида. Полина Карповна, как и знаменитая героиня Тассо, живущая на волшебном острове, пытается обольщать неопытных юношей.³⁷

Нельзя без улыбки смотреть на эту немолодую барыню, «набелённую пудрой, в локонах, с розовыми лентами на шляпке и на груди, значительно открытой, и в ботинке пятилетнего ребёнка, так что кровь от этого прилила ей в голову. Перчатки ...новые, жёлтые, лайковые, но они лопнули по швам, потому что были меньше руки».

Вдовствующая Крицкая считала, что молодость её прошла бесплодно с мужем-тираном, без любви и счастья, поэтому теперь героиня словно пытается наверстать упущенное, она не искала так называемого падения нравственного, «но ей до смерти хотелось, чтоб кто-нибудь всегда был в неё влюблён, чтоб об этом знали и говорили в городе, в домах, на улице, в церкви, то есть, что кто-нибудь по ней страдает, плачет, не спит, не ест, пусть бы даже это была неправда». Вокруг Полины Карповны постоянно крутились заезжие студенты, прапорщики, молодые чиновники, кадеты...- неважно кто, главное, чтобы потом можно было пустить слух о том, что кто-то страдает по ней. Героиней движет самолюбие: слухи, сплетни делали ее в своих собственных глазах ещё краше, привлекательнее, моложе. Полина Карповна сама придумала себе роль вечной нимфоманки, вжилась в неё.

Образ этой героини дополняют и паралингвистические средства, используемые автором. Полина Карповна постоянно кокетничает, даже если разговаривает не с мужчиной. Так при появлении в доме бабушки Крицкая

---

³⁷ [Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2005: 423]

здоровалась по-французски, «нежно пришептывала», обращаясь к своему очередному поклоннику, она говорила по-французски «вполголоса», делала томные глаза. Французский язык не случайно выбран героиней для общения: это язык любви. Крицкая даже русское слово *жарко* исковеркала на французский манер: «Нынче жарко..». Для передачи речи Крицкой автор часто использует многоточия, они передают кокетливую манеру разговора, притворство как главные черты героини.

Любовь Крицкой – воплощение кокетства, притворства, комедии, ветрености («вертушка»). Свои «чары» героиня, как сети разбрасывает повсюду, где есть человек мужского пола, пусть даже юноша: она «обливала взглядами его». Глагол с приставкой *об-* подчеркивает всеохватность, вездесущность «чар» Крицкой. Полина Карповна сразу же, при первой встрече хочет показаться «своей», очень близкой, простой в общении, что проявляется в таких ее жестах: «взяла руками за обе щеки и поцеловала в лоб». Автор отмечает «свободу в речах» Крицкой.

Таким образом, любовь-пародия, показанная в романе на примере Крицкой отражена автором не только на вербальном уровне; большую роль в раскрытии любви-пародии Крицкой играют и компоненты невербального уровня (тон голоса, манеры говорить, жесты, мимика).

Таким образом, ключевыми словами для раскрытия этого типа любви в романе «Обрыв» становятся контекстуальные синонимы: *комедия, карикатура*. Для характеристики такого типа любви, как любовь-пародия И.А.Гончаров на уровне морфологии использует антропонимы реального имени и аллюзивное имя *Армида*.

На невербальном уровне Гончаров для раскрытия этого типа любви использует язык жеста: Крицкая целует своих юных воздыхателей, но целует в лоб, постоянно томно закатывает глаза, принимает соблазнительные позы.

3. Любовь-прагма.

Эту любовь принято называть рассудочной, так как она не может возникать стихийно, не может быть слишком чувственной или духовной. В «Обрыве» этот тип любви раскрывает образ Софьи Беловодовой, такими показаны отношения

Марфеньки и Викентьева.

Рассудочность, холодность, благопристойность, отсутствие живых эмоций в любви Софьи Беловодовой подчеркивают антропонимы. И.А.Гончаров выбрал для своей героини «подходящую» фамилию – Беловодова: эта женщина холодна, как белая (то есть прозрачная), ключевая вода. Эпитет *белый* постоянно присутствует в описании героини, она подобна мраморной статуе. Райский так и не добился ответного чувства от Софьи. Имя у героини в переводе с греческого означает «мудрость». В романе оно интерпретировано в традиции русского классицизма: Софья мудра, но её мудрости хватает лишь на то, чтобы не выходить за рамки аристократических приличий, не нарушать правил, негласно принятых в свете – то есть, всегда носить маску, быть бесчувственной. «Ведь хороший тон не велит человеку быть самим собой», - уточняет Борис, пытаясь заставить Беловодову называть вещи своими именами.

Сема 'хозяйка, госпожа' реализуется в имени Марфа. *Марфа* переводится с арамейского как «госпожа». Издавна считалось, что девушка, носящая имя *Марфа*, простодушна и мила; ей не свойственны хитрость и злоба, она приятна и легка в общении; добродушная, готовая прийти на помощь. Отчество Марфеньки – Васильевна, от имени *Василий*, что в переводе с греческого означает «властитель, царь».

Таким образом, имя и отчество Марфа Васильевна можно истолковать как «властительная, царственная госпожа».

Марфенька также не создана для страстей, это образцовая хозяйка дома. На протяжении всего романа И.А.Гончаров называет свою героиню не иначе как *Марфенька*, использует уменьшительно-ласкательный суффикс, неоднократно подчеркивает черты ребенка в героине, которая не созрела до подлинной любви. Такие же черты взрослого ребенка, незрелости характерны и для Викентьева.

Отношения Беловодовой с покойным мужем, затем с графом Милари и Марфеньки с Викентьевым только на первый взгляд отличаются друг от друга. Сравнивая эти взаимоотношения, Райский замечает «Там – широкая картина холодной дремоты в мраморных саркофагах, с золотыми, шитыми на бархате гербами на гробах, здесь – картина тёплого летнего сна, на зелени, среди цветов,

под чистым небом, но всё сна, непробудного сна».

В центре лексико-семантического поля *любовь-прагма* находятся слова и словосочетания, указывающие, во-первых, на норму, закон, мораль: *чистая нравственность; нравственные женщины, строгие судьи, бежать страстей; законная любовь; согласие татап; благословить, благословение; никаких любовных прелюдий; не выходят, а отдают; до свадьбы договориться; не дала поцелуя до свадьбы; романы, где кончаются свадьбой; выйдет замуж и полюбит; родительская вера, бабушкина мораль; старозаветные правила; жених был скромн, почти робок; невеста – чудо красоты, неги, стыдливости; хороший тон; благопристойность*; во-вторых, на ограниченность и отсутствие иллюзий: *горизонт наблюдений и чувств их был тесен; перспектива была ясна, проста; не манила даль к себе; у них не было никакого тумана; канареечное счастье*; в-третьих, лексика, указывающая на семейно-брачные отношения: *муж, супруг, замужняя женщина, татап, мать, вдова, дети, детишки, ребенок, жених с невестой, помолвка, жениться, пристроить, замужество, свадьба*; в четвертых, лексика со значением имущественных отношений: *деньги, пятьдесят тысяч, доход, приданое (старинные кружева, родовое серебро, золото, посуда, белье, меха, фамильные бриллианты, парадная постель, кружевные подушки, одеяло и т.п.), хозяйство*. Показателен в этом отношении интерьер комнаты Марфеньки, при описании которого автор использует слова и словосочетания, объединенные общим значением «образец тихого филистерского счастья»: *множество разных коробочек, ларчиков, где напрятано было всякого добра, восковые огарочки* (указывает на бережливость, хозяйственность); *в шкафу все в порядке, все чисто, прибрано, уложено, развешано* (аккуратность); *постель, заваленная подушками* (образец мещанского уюта, благополучия); *шелковое одеяло, обшитое кисейной бахромой* (уют, романтическая натура); *по стенам гравюры, взятые из старого дома* (чтит традиции); *гравюры изображают семейные сцены* (ей дорог образ благочинной семьи); *в шкафу орехи, изюм, миндаль* (запасливая хозяйка). Все это атрибуты прагматичного счастья. Не раз в романе говорится, что Марфенька боится обрыва, ведь обрыв – это что-то новое, неизведанное, стихийное, а это не подходит для прагматичной Марфеньки. «Я близко не пойду, боюсь, ...ни за что не пойду, ни за что», - говорит героиня. И наконец, в центре лексико-

семантического поля *любовь-прагма* выделяются слова и словосочетания со значением спокойствия: *бесстрастное лицо, олимпийское спокойствие, холодная статуя, сон*.

Любовь-прагма может быть обставлена классическими романическими атрибутами, например, *темнота, роца и соловей*, но такие отношения вполне социально приемлемы, они не выходят за рамки общепринятых. Вполне понятно, что выбирали Марфенька и Викентьев друг друга не сами: кажущейся спонтанности влюблённых предшествует заранее принятое решение, подчиняющее их власти социума в лице матери и бабушки, то есть, тех, кто берёт на себя ответственность за их поступки.

Стандартны и традиционны сравнения, которые использует автор для описания любви-прагмы: *как голуби, ангел, ангел чистоты, святой ребёнок, херувим, херувимское дыхание свежести, ты вся солнечный луч, перл, расцветшая роза, сахарная куколка*.

Устами Райского автор даёт общую оценку такого образа жизни: «Вы спите, а не живёте!», «произошло умерщвление свободы, ума, свободы сердца». Символичен и сон Марфенки. Увидев ожившие скульптуры Геракла, Венеры и Марса, она пугается и бежит от безумия оживших страстей.

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-прагма* включает в себя следующие составляющие: любовь – это чувство, которое не противоречит традиционно принятым социумом нормам; это контролируемое разумом чувство; это институт семьи, построенный на прочной материальной базе.

Семантические составляющие этого типа любви находят свое отражение как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

На вербальном уровне, с точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, относящиеся к тематическим группам *закон* и *мораль*; во-вторых, это тематическая группа слов, отражающая материальную сферу жизни; в-третьих, лексика, указывающая на семейно-брачные отношения; в-четвертых, это слова со значением покоя.

С точки зрения парадигматики, слово *любовь* имеет такой контекстуальные

синонимы, как *благопристойность, сон*.

Описывая особенности любви-прагмы, автор использует такие эпитеты, как *старозаветный (старозаветные правила), нравственный (нравственные женщины), строгий (строгие судьи), канареечный (канареечное счастье), родительский (родительская вера), бабушкин (бабушкина мораль), бесстрастный (бесстрастное лицо), олимпийский (олимпийское спокойствие), холодный (холодная статуя)*.

На уровне морфологии для характеристики любви-прагмы используется имена реального имени.

На невербальном уровне этот тип любви раскрывается в мимике персонажей, вернее в ее отсутствии. Автор подчеркивает отсутствие тревоги, полное спокойствие в лице Софьи, безмятежность Марфеньки..

4. Любовь-виктория.

Это преимущественно физическая любовь-победа над человеком. В основе такой любви, как считают философы, лежит «война полов». Так, Ф.Ницше полагал, что «любовь – это, прежде всего, выражение стремления к господству, собственно, всеобщего желания власти, обладания объектом любви»³⁸.

Такова любовь Марка к Вере в романе.

Концепт *любовь-виктория*, характеризующий отношения Марка к Вере, означает, прежде всего, физическую любовь, безоговорочную победу над объектом любви, что отражено на лексическом уровне, а также в выборе словосочетаний определенных лексико-семантических групп.

Марк Волохов - нигилист, он «послан» в роман автором, чтобы окружающие могли в полной мере познать, что такое Добро, что такое Зло, познать высшее Счастье и Грех. Не случайно имя у героя апостольское, ведь он претендует на роль проповедника нового вероучения. Как настоящий совратитель, Марк не любит прямой дороги, он даже в дом входит не через дверь, а через окно, как богоотступник и слуга лукавого. Таким образом, И.А.Гончаров создал образ Волохова с опорой на христианскую символику, придав ему обобщенный смысл и

³⁸ [Ницше Ф. Веселая наука. Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М., 1990: 526].

добавив черты шиллеровского героя-бунтаря, поместив его на русскую почву.

Кроме того Гончаров дал своему герою имя и фамилию, которые связаны с борьбой, победой, дикой силой природы и свободой. Понятия о любви, страсти у Марка Волохова «не одеты» в фантастические наряды, как у Райского, они естественны, первобытны, он проповедует свободную любовь, которая подчинена инстинкту, иррациональности, биологизму.

Имя Марк, по мнению А.В.Суперанской, это «римское личное имя, возможно, из *мартиус* родившийся в марте – месяце, посвященном Марсу»³⁹.

Известно, что древние римляне считали Марса «хтоническим божеством плодородия и растительности, и богом дикой природы, и богом войны, Марсу были посвящены животные: дятел, конь, бык, волк» Фамилия *Волохов* – слово, с одной стороны, производное от слова *волк*. Именно с этим животным ассоциируется у многих героев романа Марк. Известно, что в славянской мифологии человек-волк – явление архаичное, довольно распространенное, а превращение жениха в волка связано с распространенной дохристианской формой брака – насильственным уводом невесты. С другой стороны, фамилия *Волхов* связана с именем мифологизированного персонажа русских былин Волха Всеславьевича, Вольги, обладателя чудодейственных оборотнических свойств, характеризующегося слиянием человеческого и природного начал⁴⁰.

В центре лексико-семантического поля *любовь-викториа* находятся слова и словосочетания, указывающие, во-первых, на противостояние: *наша борьба, тяжкая борьба, соперничество, враг, пытка, овладеть*; во-вторых, успех или поражение в этом противостоянии: *победа того или другого, взаимное поражение, раненый зверь*; в-третьих, на подчиненность, зависимость: *сильный, слабый, раб*; в-четвертых, это деструктивная лексика: *творец ее падения, разрушитель ее будущности, страсть ломает, поколебать бабушкину мораль, раненный насмерть, рви яблоко, хватай*; в-пятых, любовь Марка обладает большой сексуальной энергетикой. Возможно, поэтому, при описании чувства Марка к Вере автор проводит параллель с миром природы, с животным миром, где любовь не

³⁹ [Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2005: 232].

⁴⁰ [Штаерман Е.М. Марс // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 348-349]

требует обязательств, она движима только наслаждением от обладания объектом, это чисто биологическое понятие, это кратковременный миг, за которым следует расставание, охлаждение это то, что служит для продолжения рода. Отсюда использование в романе соответствующей лексики: *природу не переделаешь; дано природой; правило свободного размена, указанное природой; насущная потребность, удовлетворение, наслаждение, наслаждаться; организмы, темпераменты; птички небесные греха не знают; пестики и тычинки живут безо всяких покровов; весь животный мир плодится и размножается без угрызений совести; звери и животные над «вопросом любви» головы не ломают; птичья жизнь, счастье на лету, собачьи встречи, дело прямое и простое, сделают свое дело, выведут детей; теория о любви на срок, охладеть, расстаться, разлука.*

Любовь-викториа – свободное чувство, отрицающее брак, семью и долг; Марк Волохов, говоря о любви, использует такие характерные слова и словосочетания, как *воля, свобода, свободный, по праву свободы, правило свободного размена, освобожденная из клетки птица*. Поэтому слова и словосочетания, характеризующие любовь Марка, являются контекстуальными антонимами существительным *брак, долг, обязанность, правила, плесень, скука*. Концепт *любовь*, характеризующий чувство Марка к Вере, построен на отрицании, на что указывают сочетания слов с предлогом *-без-*, означающим отсутствие чего-либо, а также словосочетания с отрицательным местоимением: *без привязанностей, без семьи, без гнезда, без очага, без имущества; никаких долгов, правил, обязанностей*. Даже имя и отчество героя Марк Иванович не очень благозвучное сочетание, противоречивое.

Марк встречается с Верой не в роще при звуках соловьиной трели, а в «полуразвалившейся беседке», на дне обрыва: место встречи указывает на разрушительный, преступный характер этой любви.

Отношение Марка к Вере находит отражение в пословичном фонде языка: *сатана и святых искушает; грехи любезны, доводят до бездны*.

Любовь-викториа тесно связана с одной из ипостасей любви – со страстью, со стихийными силами. Для описания этой стороны *любви-виктории* автор

использует слова и словосочетания, отражающие особенности этого неуправляемого рассудком чувства, охватившего Марка, его подобия свободным стихиям природы: *страсть, буря, гроза страсти, пыл страсти, жар страсти, огонь страсти, горячие уголья, страсть – море, влечение неодолимое, слепая любовь, безумная страсть, страсть жестока и самовластна*. По мнению героя, любовь, страсть – это болезнь. Для описания чувства Марка автор использует лексику со значением болезненного состояния человека: *любовь: она как корь, болезнь-страсть, серьезная болезнь, раздражение, остаток раздраженной страсти, томительная страсть, не сплю по ночам, лунатик, горячка, как в горячке, больно, дымящиеся еще язвы страсти, раненный насмерть*.

Любовь-викториа противоречит христианской морали, подрывает ее устои, общечеловеческие ценности. Отсюда негативная оценка этого типа любви автором, Верой, Татьяной Марковной. Для характеристики этого чувства в романе используются слова и словосочетания со значением нарушения религиозных предписаний: *искушение, грех, стыд и грех, грешный, грешница, вина, пасть, падшие, падение, потеря чести;* а также слова-символы: *пропасть, бездна, обрыв, дно обрыва, волчья яма*.

Любовь-викториа приводит человека к нравственной гибели, духовно опустошает. Поэтому для оценки данного чувства в романе используются слова и словосочетания *нравственная гибель, жить дальше нельзя, катастрофа, трагедия, пустота, покойница, мертвая улыбка, томительная пытка*.

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-викториа*, включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это война полов; это рабство; это чисто биологическое понятие, связанное с половым инстинктом размножения; это свобода; это страсть, не подвластная разуму, стихия; это нравственная и физическая болезнь; это то, что разрушает религиозные, нравственные устои; это то, что опустошает и ведет к нравственной смерти.

С точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, отражающие противостояние в отношениях, во-вторых, это группа слов, обозначающие успех или поражение в этом противостоянии, в-третьих, это слова, указывающие на подчиненность,

зависимость и, в-четвертых, это деструктивная лексика. На периферии поля находится лексика, относящаяся к тематической группе как свободное чувство, отрицающее брак, семью и долг.

С позиции парадигматики слово *любовь* имеет контекстуальные синонимы: *победа, борьба, море, огонь, буря, гроза, размен, свобода, дело, удовлетворение, наслаждение, страсть падения, пытка, соперничество, катастрофа, трагедия, пустота гибель, пропасть, бездна, обрыв, дно обрыва, волчья яма, искушение, грех, стыд, горячка, раздражение, болезнь, болезнь-страсть, корь, влечение*; антонимы: *сильный - слабый, победа - поражение, свобода - долг, бессрочная – временная*.

На морфологическом уровне для характеристики *любви-виктории* используется древнеримское имя Марс и славянское мифологизированное имя Вольга.

На невербальном уровне *любовь-виктория* проявляется прежде всего в резких стремительных жестах героев (*бросилась, втащил, отдернув руку, вздрогнув*), а также в жестах, которые отражают подавленное состояние героини (*машинально повязала голову, бродила, в усталости шла*). Этот тип любви сопровождается такой звуковой образ, как выстрел.

5. Любовь-мания.

Эта разновидность любви находит свое воплощение в образах Савелия и Марины, Ульяны Андреевны, самоубийцы-портного.

Важно отметить, что имена героинь в своей семантике имеют отношение либо непосредственно к любви, либо к стихийным силам дикой природы. Так, имя *Марина* произошло «из лат. *марина* морская – эпитет Венеры / Афродиты»,.; а имя *Ульяна* – «из лат. *Юлианус* Юлиев, принадлежащий Юлию – эпитет Марса» . Древние римляне считали Марса «хтоническим божеством плодородия и растительности, и богом дикой природы, и богом войны».⁴¹

Для более полной характеристики героинь писатель использует аллюзивные имена. Распутные женщины, исповедующие свободную любовь, не

⁴¹ [Штаерман Е.М Марс // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 348-349]

во что не ставящие брачные узы, названы *Земфирой* и *Клеопатрой* Имя *Савелий* «из др.-евр. *шаул* испрошенный» семантически связано с тем чувством, которое испытывает герой к Марине. Зная о многочисленных любовных связях Марины, о ее непостоянстве и ветрености, Савелий тем не менее с маниакальным упорством просит у барыни отдать ему в жены Марину.

Самым уродливым проявлением любви-мании в романе, на наш взгляд, являются отношения Савелия и Марины. Это драматическая любовь, животная страсть, неподвластная разуму, но ярко иллюстрирующая известную русскую поговорку: «Бьёт - значит любит».

Животное начало, преобладание похоти, плоти над духом, одержимость страстью находит свое отражение и на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях.

Прежде всего, абстрактное существительное *любовь*, в контекстах, в которых описывается любовь-мания конкретизируется, начинает использоваться во множественном числе: «Границ и пределов её *любвям* не было» - пишет о распутной Марине писатель.

Безграничность страсти Марины, ее неутолимость проявляется в использовании в тексте однородных перечислительных рядов, в которых указываются все объекты страсти крепостной Мессалины, например, «познала любовь и ее тревоги в лице Никиты, потом Петра, потом Терентия и так далее, и так далее», «Не было лакея в дворне, видного парня в деревне, на котором бы она не остановила благосклонного взгляда» .

Ядро, центр концепта *любви-мания* составляют слова и словосочетания со значением неотвратимости, предопределения: *судьба, крест*; ослепления: *любящий до слепоты, любовь слепая*; чувственного влечения: *страсть, нимфа и сатир, «мать наслаждений», бескорыстная жрица культа, что-то втягивающее, раздражающее, дрожь плеч и бёдер, благосклонный взгляд, привлекать*; аморального образа жизни: *неверность, бесстыдство, бесстыжие, беспутная*; мучительного сомнения в верности: *ревность, ревнивец, ревнивый муж, Отелло*; лишения жизни, неестественной смерти: *убил, зарезался, самоубийца*.

Характеризуя страсть, охватывающую героев, одержимых любовью-манией, автор пользуется зоонимами: *страсть – тигр, страсть – волк, огрызающийся тигр, удав с острыми зубами.*

Описывая женщин, одержимых любовью-манией, автор также проводит параллели с миром природы (сравнивает их с представителями семейства кошачьих: с кошкой, тигрицей, львицей) или с миром потусторонних сил, влекущих человека к гибели (*русалки, как русалка*). Особое внимание писатель уделяет описанию глаз героинь и использует словосочетания, в которых акцентируется внимание на обмане, отсутствии стыда: *русалочный взгляд, фальшивый взгляд, бесстыжие глаза.*

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-мания*, включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – тяжкий крест; это чисто биологическое понятие, связанное с удовлетворением желаний плоти; это страсть подобно свирепому зверю, терзающая героев; это не подвластное разуму, слепое чувство; это то, что нравственные устои; это то, что может привести к физической смерти.

Для этого типа любви автор использует такие контекстуальные синонимы, как: *судьба, крест, страсть, страсть – тигр, страсть – волк, огрызающийся тигр, удав, слепота, ревность, неверность, бесстыдство*, а также контекстуальные антонимы: *дьявол, леший, черт – бескорыстная жрица культа, мать наслаждений.*

На уровне морфологии для разновидности любви-мании используются аллюзивные имена *Земфира, Клеопатра, Отелло.*

На невербальном уровне такой тип любви, как *любовь-мания* раскрывается в стремительных жестах: *рванулась, кинулся, неслась, юркнула, извивалась как змея, металась*; в телодвижениях: *нервная дрожь плеч и бедер; легкий, будто летучий шаг*; в особенностях взгляда, одержимого любовью-манией человека: *взглянул исподлобья, опущенные глаза, почти вовсе не глядел, потупившись*; в особенностях внешнего облика, отражающего переживания, страдания героев: *побледнел, складки показали на лбу, худеть.*

6. Любовь-эрос.

Любовь-эрос в романе «Обрыв» находит свое наиболее яркое воплощение в образе Райского. В этом чувстве героя есть эротическое влечение и стремление к гармонии ощущений.

Главный герой «Обрыва», Борис Райский, особый персонаж, он объединяет собой всё произведение, именно с его «участием» происходит более полное толкование анализируемого концепта. Прежде всего, Райский натура артистическая: он восприимчив, впечатлителен, с сильными задатками дарований. Райский подобен Дон Жуану, который легко увлекается и скоро же охладевает к предмету своего поклонения, так как тот не соответствует его Идеалу, сложившемуся в фантазии.

Вокруг Райского образуется ассоциативно-смысловое поле концепта *любовь-эрос*, в котором можно выделить следующие смысловые лексические парадигмы:

1. Синонимом *любви-эрос* является аллюзивное имя *Дон-Жуан*, которое в романе относится именно к Райскому. Вокруг этого говорящего имени группируются слова и словосочетания со значением любовной страсти, причем это чувство, представлено в концепте *любовь-эрос* как многогранное явление: и как чувственное наслаждение (*трепет в организме, голова кружится, сердце замирает, блестящий взгляд, ласки, в поцелуй прокрадывался какой-то страстный змей, нега, увлекает, раздражает, наслаждаться, мурашки бегали по нем, смотреть с упоением*), и как неуправляемая природная стихия (*не сладить с сердцем, бессознательная жажда любви, сильная река, пучина страсти, огонь, огонь в крови, огонь и сила, «страсть – гроза жизни, она очистит воздух, прогонит миазмы, предрассудки и даст вамдохнуть настоящей жизнью», «о всех сверкающих молниях, о всем зное сильной, пылкой, ревнивой любви, пробудившиеся страсти*, и как опьянение (*дикое опьянение, постоянный хмель, с упоением целовал глядя почти пьяными глазами*), и как безумие (*влюбленный до безумия, плавал в безумном восторге, в чаду, туманили рассудок*), и как счастье (*«дай мне страсть... дай это счастье!»*, *вечные цветы под ногами, счастье на полгода, на год*), и как сама жизнь (*настоящая жизнь, жизнь страстей*), и как

болезненное или мучительное состояние (*страсти излечиваются или неизлечимы, мучительное чувство, любить и страдать*), и как игра (*играют жизнью человека, хмельная игра сил*), и как рок (*роковая идея*), и как преступление (*преступное желание*);

2. Особенностью этой разновидности любви, особенностью вечного литературного типа Дон-Жуана является непостоянство. В романе это проявляется употреблении абстрактного существительного *любовь* во множественном числе, в использовании его в качестве синонима к слову *мираж* в использовании слов со значением непродолжительных отрезков времени или разных объектов страсти, слова эти часто включаются в ряд однородных членов при перечислении (*отдает сердце внаймы на месяц, на полгода, на год; счастье на полгода, на год; становится на колени перед ними, ставил на пьедестал то одну, то другую; ни один идеал не доживал до срока свадьбы*);

3. Ключевыми словами для такого типа любви, как *любовь-эрос* являются также слова *женщина, красота, идеал, идол* которые часто соединяются в одном контексте, например, *идеал женщины, красота женщины, Вера была заманчиво, таинственно-прекрасна*. Идеальная женщина – вот источник вечного поиска влюбленного Дон-Жуана. Райский объясняет свое непостоянств именно этим: «Диоген искал с фонарем «человека» - я ищу женщины». И Дон-Жуан, и Райский по натуре своей артисты, они стремятся в любви именно к эстетической красоте, наслаждаются ею. «Красота, какая это сила!» - восклицает Райский не то в восторге, не то в отчаянии. Для героев данного типа женщина – это идеал, богиня, идол. Райский сравнивает женщину с Венерой, но подчеркивает в ней одухотворенность: «Женщина – Венера, но осмысленная, одухотворенная Венера».

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-эрос* включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это страсть во всей ее многогранности, включающей в себя и чувственное наслаждение, и неуправляемость стихии, и безумие, опьянение, и счастье, и полноту жизни, и болезнь и муку, и игру, и рок, и преступление; это непостоянство; это вечный поиск идеала, красоты, женщины.

С позиции парадигматики слово *любовь* имеет контекстуальные синонимы: *Дон-Жуан, безумие, упоение, хмель, опьянение, зной, молния, гроза, река, пучина, жизнь, трепет, ласки, нега, восторг, сила, счастье, чувство, огонь, жажда, змей, чад, игра, рок, женщина, красота, идеал, идол.*

Любовь-эрос, воплощенная в образе Райского, находит отражение на невербальном уровне языка раскрывается в жестах, во взгляде, в мимике, телодвижениях: *говорил, впиваясь глазами; воображение было раздражено; глядел смело, млея; шептал, говорил восторженно; сидел, как убитый, в злом молчании; не слушал ее, с широкой зевотой отвечал на ее лепет, ласки; отвечал рассеянно; вглядывался близко в глаза; поцеловал руку; бредил, сжимая крепко талию; пальцы как змеи ползали по его нервам, поднимали тревогу, зажигали огонь в крови, туманили рассудок; он пьянел, немел; тяжело вздыхал; внутренне содрогался; разразился нервным хохотом; развеселился; едва сдерживал смех; думал он, впадая в ярость; его терзала злоба; жадно прижимал ее руку к губам; трепетал от радости; сердце замирало; говорил горячо и серьезно, с дрожью в голосе; сильным шепотом; встал, как раненый; мучился в трескучем пламени сомнений; с жаром поцеловал руку; собрал нечеловеческие силы, задушил вопль собственной муки, жаркое пожатие руки; наклоняясь, глядя ей в глаза, удержал ее, бледен, закинул голову назад, закрытые глаза, держал крепко за руку, держал крепко, крепко сжимая талию, положив щеку ей на плечо, бьется в левом бок, держит ее крепко.*

На морфологическом уровне *любовь-эрос* находит воплощение в аллюзивном имени *Дон-Жуан*.

7. Любовь-агапэ.

Это самое возвышенное, красивое, духовное, идеалистическое, жертвенное чувство, для которого не страшно время и расстояние.

В «Обрыве» этот тип любви испытывают Наташа и Леонтий Козлов.

Совершенно не случаен выбор имен героев. В переводе с греческого *Наташа* обозначает 'родная'. Она действительно близка Борису по духу. Имя учителя гимназии, преподающего древние языки, в переводе с греческого обозначает 'львиный', оно ассоциируется с образом благородного царственного

зверя. Вместе с тем Леонтий – муж-рогоносец, не случайно автор выбрал своему герою фамилию Козлов.

Любовь-агапэ, это чувство представлено ассоциативным рядом слов со значением самых важных сторон бытия человека: *жить, дышать*. Гончаров подчеркивает в романе то, что для Наташи «любить – значит дышать, жить, не любить – перестать дышать, жить», а Леонтий Козлов «любил жену свою как любят воздух». Фактический уход от Наташи Райского приводит героиню к смерти. После отъезда жены жизнь для Леонтия Козлова теряет всякий смысл. «Жизнь кончилась, - признавался он Райскому, - её нет - вот моя болезнь!» . «Я не болен, я умер: и настоящее моё, и будущее - всё умерло, потому что её нет! Поди, вороти её, приведи сюда - и я воскресну !..» . «Я думал, что я люблю древних людей, древнюю жизнь, а я просто любил ... живую женщину; и любил и книги, и гимназию, и древних, и новых людей, и своих учеников... и тебя самого... и этот – город... потому только - что её любил! А теперь это всё опротивело...» . Поэтому герои любят своих избранников «ничем не возмутимую, ничего не боящуюся любовью» .

Такая любовь одухотворяет человека, о Наташе сказано в романе «как она полюбила, в глазах и улыбке ее засветился тихий рай».

Эта любовь сродни вечности, она постоянна, не зависит от несовершенства своего предмета и исчезает только со смертью влюбленного. Отсюда использование слова *смерть* как синонима неизменности, постоянства чувства: «с любовью пришедший в мир и с любовью отходящий от нее», «когда умру, так перестану», «любовь на смертном одре», «уснула в своей любви»⁴² .

Любовь-агапэ – это любовь-самоотдача, не требующая ничего взамен, любовь не за что-то, а просто по движению души. В тексте романа это чувство представлено таким ассоциативно-смысловым рядом: «Она любила, ничего не требуя, ничего не желая, приняла друга, как он есть, и никогда не представляла себе, мог ли бы, или должен ли он быть иным?» .

Вместе с тем для тех, на кого направлено это возвышенное чувство, для Райского, Уленьки, любовь-агапэ лишена внутреннего напряжения, искры – того,

⁴² [Гончаров И.А. Собрание сочинения в 8-ми томах. – М: Гослитиздат, 1952-1955.V: 245].

что необходимо для поддержания любви – страсти. В ассоциативный ряд слов добавляются слова со значением покоя, скуки: *зерно скуки, скука, скучно, растительная жизнь, сон.*

Поэтому и Наташа, и Леонтий оказываются покинутыми, обманутыми своими избранниками. «Таких не любят /.../ Любовь не про таких!» – говорит о муже Уленька. «Нет – это не та женщина /.../» - приходит к выводу Райский. Любовь-агапэ в романе «Обрыв» – неразделенное чувство.

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-агапэ* включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это то, без чего невозможна само существование человека; это – высокое, одухотворенное понятие; это вечное чувство, которое исчезает только со смертью; это самоотдача; это всепрощение; это неразделенное чувство.

8. Любовь-сторгэ.

Это любовь, полная деликатности и такта, склонная к постоянству и компромиссам ради поддержания гармонии отношений. Это идеальная форма семейной любви, основанная на способности долго поддерживать спокойные дружеские отношения, полные нежности и простоты, глубокой человеческой любви к партнёру, полной сочувствия и снисхождения к недостаткам. Эта любовь раскрепощающая, когда каждый может быть самим собой и душой и телом, когда любят человека просто за то, что он есть. Единственное, чего не прощает эта любовь, грубость, эгоизм, притворство, неискренность, всё то, что противно самой сути этой любви.

В романе «Обрыв» концепт *любовь-сторгэ* представлен на примере отношения Тушина к Вере. Именно о такой любви мечтает Вера. Это чувство проявляется во взаимоотношениях Татьяны Марковны и Ватутина.

Любовь-сторге – это чувство постоянное, прочное, взаимное. Для описания этой любви Гончаров использует слова и словосочетания со значением постоянства: *навсегда, навсегда вашей, бессрочная любовь, любовь на целую жизнь, не хочу предвидеть ему конца, товарища на всю жизнь, друг на всю жизнь, с надеждой на бесконечность, смерть должна разлучать.*

Любовь-сторге – это *любовь-благоговение*. В центре лексико-семантического поля *любви-благоговения* находятся слова, словосочетания, указывающие на трепетное отношение к объекту любви, например, *монотонное обожание, обожание до робости, взглянул скромно, с примесью почти благоговения*.

Чувства Тушина не проявляются ярко, на что указывают следующие слова и словосочетания: *робел, жался в угол, караулил её взгляд, не прочтёт ли в нём желания, боялся не сказать бы чего неловко, не промахнуться, не показаться неуклюжим, готовность послужить*. Именно приставка *-по-*, а не *-у-*, указывает на то, что партнёры равны, никто не находится в более или менее унижительном отношении, они доверяют друг другу. В отношении Тушина к Вере автор сравнивает его с медведем: *Тушин медведь русский, честный смысленый медведь*. Не случайно у русского медведя исконно-русское имя и отчество Иван Иванович: *он не изменит, не обманет, будет век служить*. То есть, Тушин – символ надежности, прочности, долговременности отношений.

Для людей, испытывающих *любовь-сторге*, важны семейно-брачные отношения, освященные церковью: *для семьи они созданы, кружатся около гнезд, чтоб бог благословил союз*.

Любовь-сторге предполагает не только наслаждение, но и исполнение долга перед возлюбленным. «Любовь налагает долг, /.../ ведет за собой долг» - считает Вера. Даже после охлаждения страсти партнеры должны «платить взаимно остальную жизнь» .

Любовь-сторге предполагает доверительное отношение друг к другу, уважение, теплоту общения и лексемы с такой семантикой представлены в тексте романа: *трогательное уважение, простота, доверие, монотонное доверие, участие, заря внутреннего удовлетворения, ласка, теплота, глубокая симпатия, открытое, тёплое обращение*.

Вывести Веру из духовного «обрыва» мог только сильный человек. Таким духовным «чистилищем» стало для героини общение с Тушиным, его любовь. Отношения с Тушиным изменили героиню, она обретает покой, что, конечно, отражено на лексическом уровне: *ликование, тишина, невозмутимый покой; луч*

экстаза, будто она черпнула счастья.

Любовь Тушина к Вере тиха, неприметна, но надёжна. Отношения Веры и Тушина - это апогей красоты Любви в галерее типов этого чувства в романе, это тот идеал, который, возможно, искал сам автор и его герой - Райский.

На более высоком уровне концепт *любовь-сторгэ* показан в романе на примере отношений Татьяны Марковны и Ватутина. Отношения Татьяны Марковны и Ватутина, то, к чему стремится главный герой в своих поисках. Эти отношения красивы, как красивы бывают «старинные кожаные канапе, шкафы, саксонские чашки и богемские хрустали. «Тит Никонич являлся всегда ...вежливый, любезный, подходящий к ручке бабушки и подносящий ей цветок или редкий фрукт» - пишет автор о своём герое .

Их отношения – аналог средневековых идеалов платонической любви, рыцарской преданности Прекрасной Даме. Это своего рода *любовь-дружба*. Ядро концепта *любви- дружбы* составляют слова со значением сдержанности в проявлении чувств: *учтивость, причём – учтивость, возведённая в высшую степень – «утончённейшая учтивость»,* на что указывает суффикс *-ейш-* прилагательного в превосходной степени; *сдержанность в словах и жестах; не обнаруживал признака короткости; почтительность рыцарей старого времени.* Кроме того, обращают на себя внимание глаголы поведения: *НЕ курил, НЕ душился, НЕ молодился.* Отрицательная частица *-не-* словно барьер в поведении, манерах Ватутина, поэтому между ним и Татьяной Марковной постоянно оставалась какая-то дистанция.

Отношения Ватутина и Татьяны Марковны построены на постоянном ограничении, сдерживании ярких чувств, эмоций, поэтому очень похожи на дружбу; отношения героев гораздо выше страсти; бабушка и Тит Никонич родственны по духу, умудрены жизнью и готовы поделиться этой мудростью с молодёжью.

Таким образом, Таким образом, такой тип любви, как *любовь-сторгэ* включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это прочное, постоянное, взаимное чувство; это благоговение; это брачный союз; это взаимные обязательства, долг; это взаимное уважение и понимание.

9. Любовь-филия.

Это глубокая духовная близость, которая строится на общности интересов или служении общей цели. Испытывая такую любовь, люди чувствуют себя счастливыми настолько, что им никто не нужен, кроме друг друга и общего дела, обеспечивающего постоянный приток новых впечатлений, эмоций на фоне глубокого взаимопонимания.

В романе именно такой любви, к идеалу стремится Вера, познакомившись с Марком Волоховым.

Героиня понимала, что многое в старой жизни – уже отжившее, поэтому так жадно слушала рассуждения Марка о новой жизни. Однако, кроме разрушения и отрицания Вера не находила в его проповеди ничего. Она надеялась своею созидательной любовью, «силой своего ума и женского сердца» вывести Марка на новую, прямую дорогу. «Я хотела, ...чтоб вы стали лучше, выше всех...» - говорит Вера Марку. Правда любви вступает в противоречие с «вечной правдой», теряет духовную опору, ориентир и – катится в «обрыв». «Обрыв» для Веры - это путь вниз, к безрассудной, неуправляемой страсти, увлекающей её в бездну падения. «Падение» Веры, по мнению автора, не только и не столько в том, что она отдалась слепой страсти. Гораздо важнее другое, духовное, падение героини, поддавшейся невольному бесовскому искушению, поправшей высшие заветы евангельской правды. Та любовь-взаимообмен, на которую она согласилась, стала причиной внутренней опустошённости Веры. Тем не менее, это грехопадение было необходимо героине, чтобы она могла впоследствии познать настоящую, чистую любовь, пройдя путь очищения и покаяния, ведь, как она не стремилась к «новой жизни», в душе осталась верна старым, прочным понятиям о жизни вообще, о счастье, браке, любви, в частности.

К сожалению, *любовь-филия*, как любой идеал, остается недостижимой для героев романа.

2.4. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Таким образом, проанализировав концепт *любовь* в романе И.А.Гончарова «Обрыв» мы выявили следующие компоненты: продажная любовь, любовь-

пародия, любовь-прагма, любовь-виктория, любовь-мания, любовь-эрос, любовь-агапэ, любовь-сторгэ, любовь-филия.

Опираясь на текст романа, мы постарались подробно рассмотреть каждый тип любви. Во-первых, указали, какие слова и словосочетания находятся в центре лексико-семантического поля и какая лексика относится к периферии поля. Во-вторых, увидели, какие семантические составляющие каждого типа любви нашли свое отражение как на вербальном, так и на невербальном уровне. В-третьих, выявили слова с точки зрения парадигматики, то есть какие контекстуальные синонимы, антонимы имеются в тексте. В-четвертых, используя имена собственные, охарактеризовали каждый тип любви на уровне морфологии.

Итак, в ходе лексико-семантического, семантического, парадигматического и морфологического анализов слов и словосочетаний мы установили, что концепт *любовь* является ключевым в романе И.А.Гончарова «Обрыв».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (SONUÇ)

Таким образом, проанализировав концепт *любовь* в романе И.А.Гончарова «Обрыв» мы пришли к следующим выводам:

1. Концепт *любовь* как обобщенный ментальный образ, соединяющий разнообразную информацию о явлении действительности, связанную у носителей языка с данным словом, понимается в динамическом аспекте, как явление, соединяющее в себе логические, культурологические и лингвистические характеристики;

2. Концепт *любовь* как когнитивная единица включает в себя вербализированную (языковую) и невербализированную части;

3. Концепт *любовь* как часть ментального пространства имеет вполне очевидную лингвистическую экспликацию в знакомых формах языковых структур – лексической, морфологической и синтаксической, а также в структурах ассоциативного поля. Исследование природы концепта *любовь* основывается на описании способов его экспликации в тексте, в лексическом и фразеологическом тезаурусе;

4. Основой концептуального анализа текста оказывается движение от понятия к лексической и фразеологической областям его представления и от лексики и фразеологии к концепту, в содержании которого синтезируется информация разных типов. Направление анализа в трех аспектах – лексико-системном, имеющем в своей основе учение о слове как единице лексической системы; функциональном, предполагающем анализ функционирования слова и фразеологизма в контексте коммуникативной деятельности, и когнитивном, опирающемся на основные положения когнитивной лингвистики;

5. Наличие столь значительного числа производных слов, образованных от слова *любить* (288), многозначность слов *любить*, *любовь*, существование у них оттенков значений, а также функционирование в русском языке большого количества пословиц и поговорок, связанных с концептом *любовь* свидетельствует о том, что этот концепт находится далеко не на периферии русского языкового сознания;

6. Анализ слова *любовь* с точки зрения этимологии, а также особенностей функционирования данного слова в толковых, словообразовательных, синонимических и ассоциативных словарях, а также в паремиологическом фонде русского языка позволил выявить семантические составляющие концепта *любовь*:

- это взаимное подобие двух людей;
- это установление, или вызывание этого подобия действием;
- это осуществление этого действия, или, скорее, цикла действий по «круговой модели»;
- это результат борьбы индивида с другим индивидом, попеременной инициативы;
- это обман;
- это неодолимое желание плоти, страсть.
- это чувство, характеризующееся особой ценностью для влюбленного, отсутствие предмета любви приводит к негативным последствиям;
- это способность вызывать в ком-то ответное действие, носящее позитивный или негативный характер;
- это чувство, которое характеризуется немотивированным выбором объекта;
- это противоречивое чувство;

7. Прототип любви, её семантическая модель, построенная на основе анализа представлений о ней в научном типе сознания, в этнических и психологических исследованиях и словарях, выглядит таким образом: *любовь* - это чувство, вызываемое у субъекта в системе его личностных ценностей при условии абсолютной немотивированности выбора этого объекта и его уникальности, индивидуализированности; при этом любящий испытывает потребность получить предмет своей любви в «личную сферу», быть его собственником, желает ему добра, процветания и готов ради него идти на любые жертвы, заботиться о нём, брать на себя ответственность за его благополучие; он находит в любви смысл своего существования и высшую мораль. Любовь полна противоречий: она всегда

амбивалентна, она всегда результат свободного выбора объекта и одновременно крайней от него зависимости. Совершенная любовь, если таковая существует, это особое состояние, когда оба партнёра взаимодополняют друг друга, когда страсть, «любовная горячка» уступает место единению людей, полной гармонии;

8. Слово *любовь* является ключевым в романе «Обрыв», оно частотно. О нем рассуждают главные и второстепенные персонажи.

В результате анализа текста романа мы дали лингвистическое обоснование «видам страсти» и пришли к выводу, что концепт *любовь* в романе «Обрыв» включает в себя следующие компоненты: продажная любовь, любовь-пародия, любовь-прагма, любовь-викториа, любовь-мания, любовь-эрос, любовь-агапэ, любовь-сторге, любовь-филия.

Такой тип любви, как *продажная любовь* включает в себя следующие составляющие: любовь – это игра в чувство; это чисто биологическое понятие, связанное с половым инстинктом; это то, что продается и покупается либо за баснословные деньги, либо за материальный минимум, необходимый для поддержания жизни; это расчет; это разрушение семьи и нравственности.

Семантические составляющие этого типа любви находят свое отражение в романе только на вербальном уровне. С точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, указывающие на чисто биологические, половые, гендерные различия людей; во-вторых, это тематическая группа слов, отражающая материальную сферу жизни; в-третьих, к ядру поля тяготеют слова из такой тематической группы, как театр; в-четвертых, это деструктивная лексика. На периферии поля находится лексика, относящаяся к такой тематической группе, как семья.

С точки зрения парадигматики, слово *любовь* имеет такой контекстуальный синоним, как *игра*.

Описывая особенности продажной любви, автор использует такие эпитеты, как *поддельный, искусственный, притворный, маскарадный, тряпичный*.

На уровне морфологии для характеристики продажной любви используется аллюзивное имя собственное *Армида*.

Ключевыми словами для раскрытия такого типа любви, как *любовь-пародия* становятся контекстуальные синонимы: *комедия, карикатура*. Для характеристики этого типа любви И.А.Гончаров на уровне морфологии использует антропонимы реального имени и аллюзивное имя *Армида*.

На невербальном уровне Гончаров для раскрытия этого типа любви использует язык жеста: Крицкая целует своих юных воздыхателей, но целует в лоб, постоянно томно закатывает глаза, принимает соблазнительные позы.

Такой тип любви, как *любовь-прагма* включает в себя следующие составляющие: любовь – это чувство, которое не противоречит традиционному принятым социумом нормам; это контролируемое разумом чувство; это институт семьи, построенный на прочной материальной базе.

Семантические составляющие этого типа любви находят свое отражение как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

На вербальном уровне, с точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, относящиеся к тематическим группам *закон* и *мораль*; во-вторых, это тематическая группа слов, отражающая материальную сферу жизни; в-третьих, лексика, указывающая на семейно-брачные отношения; в-четвертых, это слова со значением покоя.

С точки зрения парадигматики, слово *любовь* имеет такие контекстуальные синонимы, как *благопристойность, сон*.

Описывая особенности любви-прагмы, автор использует такие эпитеты, как *старозаветный (старозаветные правила), нравственный (нравственные женщины), строгий (строгие судьи), канареечный (канареечное счастье), родительский (родительская вера), бабушкин (бабушкина мораль), бесстрастный (бесстрастное лицо), олимпийский (олимпийское спокойствие), холодный (холодная статуя)*.

На уровне морфологии для характеристики любви-прагмы используется имена реального имени.

На невербальном уровне этот тип любви раскрывается в мимике персонажей, вернее в ее отсутствии. Автор подчеркивает отсутствие тревоги,

полное спокойствие в лице Софьи, безмятежность Марфеньки..

Такой тип любви, как *любовь-викториа*, включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это война полов; это рабство; это чисто биологическое понятие, связанное с половым инстинктом размножения; это свобода; это страсть, не подвластная разуму, стихия; это нравственная и физическая болезнь; это то, что разрушает религиозные, нравственные устои; это то, что опустошает и ведет к нравственной смерти.

С точки зрения лексического состава, ядро лексико-семантического поля образуют слова, во-первых, отражающие противостояние в отношениях, во-вторых, это группа слов, обозначающие успех или поражение в этом противостоянии, в-третьих, это слова, указывающие на подчиненность, зависимость и, в-четвертых, это деструктивная лексика. На периферии поля находится лексика, относящаяся к тематической группе как свободное чувство, отрицающее брак, семью и долг.

С позиции парадигматики слово *любовь* имеет контекстуальные синонимы: *победа, борьба, море, огонь, буря, гроза, размен, свобода, дело, удовлетворение, наслаждение, страсть падения, пытка, соперничество, катастрофа, трагедия, пустота гибель, пропасть, бездна, обрыв, дно обрыва, волчья яма, искушение, грех, стыд, горячка, раздражение, болезнь, болезнь-страсть, корь, влечение*; антонимы: *сильный - слабый, победа - поражение, свобода - долг, бессрочная – временная*.

На морфологическом уровне для характеристики *любви-виктории* используется древнеримское имя Марс и славянское мифологизированное имя Вольга.

На невербальном уровне *любовь-викториа* проявляется прежде всего в резких стремительных жестах героев, а также в жестах, которые отражают подавленное состояние героини. Этот тип любви сопровождается такой звуковой образ, как выстрел.

Таким образом, такой тип любви, как *любовь-мания*, включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – тяжкий крест; это чисто биологическое понятие, связанное с удовлетворением желаний плоти; это страсть

подобно свирепому зверю, терзающая героев; это не подвластное разуму, слепое чувство; это то, что нравственные устои; это то, что может привести к физической смерти.

Для этого типа любви автор использует такие контекстуальные синонимы, как: *судьба, крест, страсть, страсть – тигр, страсть – волк, огрызающийся тигр, удав, слепота, ревность, неверность, бесстыдство*, а также контекстуальные антонимы: *дьявол, леший, черт – бескорыстная жрица культа, мать наслаждений*.

На уровне морфологии для разновидности любви-мании используются аллюзивные имена *Земфира, Клеопатра, Отелло*.

На невербальном уровне такой тип любви, как любовь-мания раскрывается в стремительных жестах, в телодвижениях, в особенностях взгляда и внешнего облика, одержимого любовью-манией человека.

Такой тип любви, как *любовь-эрос* включает в себя следующие семантические составляющие: любовь – это страсть во всей ее многогранности, включающей в себя и чувственное наслаждение, и неуправляемость стихии, и безумие, опьянение, и счастье, и полноту жизни, и болезнь и муку, и игру, и рок, и преступление; это непостоянство; это вечный поиск идеала, красоты, женщины.

С позиции парадигматики слово *любовь* имеет контекстуальные синонимы: *Дон-Жуан, безумие, упоение, хмель, опьянение, зной, молния, гроза, река, пучина, жизнь, трепет, ласки, нега, восторг, сила, счастье, чувство, огонь, жажда, змей, чад, игра, рок, женщина, красота, идеал, идол*.

Любовь-эрос, воплощенная в образе Райского, находит отражение на невербальном уровне языка раскрывается в жестах, во взгляде, в мимике, телодвижениях.

На морфологическом уровне *любовь-эрос* находит воплощение в аллюзивном имени *Дон-Жуан*.

Когнитивная лингвистика – одно из современных направлений, объединяющих науку о языке с наукой о человеческой психике. Рассматривая концепт *любовь* в романе «Обрыв», мы попытались дать лингвистическое

обоснование психологическим процессам, происходящими с героями произведения, выяснили сверхглубинную семантику концепта *любовь*: выяснили инвариантные составляющие концепта *любовь* в современном русском языке на материале толковых, лингвистических, этимологических словарей.

Ведущими методами, используемыми в дано работе, были метод семантического поля, описательный метод и метод контекстуального анализа, позволяющий рассматривать приемы вербализации концепта *любовь* в условиях контекста романа «Обрыв» И.А.Гончарова.

В нашей работе под *концептом* мы понимали, вслед за Е.М.Кубряковой, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, <...> всей картины мира, отраженной в человеческой психике». [Кубрякова 1996: 90].

В дипломной работе мы отметили двойственную природу концепта, о которой одним из первых в отечественной лингвистике заговорил С.А.Аскольдов-Алексеев, подразделивший концепт на познавательные (логические) и художественные, то есть эстетически обусловленные. Структура познавательных и художественных концептов определяется доминирующими в данных темпомирах (временных планах) познавательными моделями. Которые могут быть разными как для писателя, так и для читателя, интерпретирующего текст. В основе своей познавательные и художественные концепты синкретичны, хотя изначально предполагали первичность культуры.

Рассмотрев этимологию концепта *любовь*, то есть выражающих его слов *любить*, *любовь*, мы пришли к выводу, что его внутренняя форма очень противоречива, разорвана и местами как бы исчезает из ментального поля самого концепта [Левава, Пашнина 2006: 2]. Этимологические корни глагола *любить* мы нашли в древнеиндийском, древнерусском, русском языках; провели параллель между русской и английской языковыми моделями в концепте *нравится*.

Резюмируя, следует сказать, что

Проведя этимологический анализ концепта *любовь*, мы рассмотрели, как отражается этот концепт

Таким образом, многозначность слов *любовь*, *любить*, наличие

значительного числа производных слов, образованных от вышеозначенных, а также функционирование в современном русском языке большого количества пословиц и поговорок, связанных с концептом *любовь*, свидетельствуют о том, что этот концепт находится не на периферии русского языкового сознания.

Прототип любви, ее семантическая модель, построенная на основе анализа представлений о ней в научном типе сознания, в этических и психологических исследованиях и словарях, выглядит так: любовь – это чувство, вызываемое у субъекта при условии абсолютной немотивированности выбора этого объекта, его уникальности, индивидуализированности. Любовь всегда амбивалентна, то есть любящий человек испытывает к партнеру двойственные чувства: от трепетной нежности, благоговения до испепеляющей ненависти. Совершенная любовь. Если такая существует, это особое состояние. Когда оба партнера взаимодополняют друг друга, когда страсть уступает место единению людей, гармонии отношений.

Все перечисленные компоненты, составляющие концепт *любовь*, представлены в романе И.А.Гончарова «Обрыв».

Основой для когнитивного анализа концепта *любовь* стала классификация типов любви, предложенная В.В.Мегедь [Мегедь 2003]. Она выделила следующие типы любви: любовь-филия, любовь-агапэ, любовь-мания, любовь-сторге, любовь-прагма, любовь-викториа, любовь-эрос.

Любовь-игра самая низменная, по мнению писателя. Мы рассмотрели слова, словосочетания, образующие лексико-семантическое поле этого вида концепта *любви*, выяснили, какие слова, выражения находятся в центре, какие на периферии поля любви-игры.

Любовь-пародия карикатурный вариант концепта *любовь* в романе, представительницей которого является Крицкая. Ключевыми словами для раскрытия этого типа любви в романе является *комедия, карикатура*.

Любовь-прагма рассудочна. В романе этот вид концепта представляют Софья Беловодова, Марфенька, Викентьев. Чувство этих героев не противоречит традиционно принятым социумом нормам, это чувство, контролируемое разумом, это институт семьи, построенный на прочной материальной базе.

Любовь-викториа как физическая любовь-победа над человеком, как война полов раскрывается в отношениях Марка Волохова к Вере. Любовь-викториа многокомпонентна. Это и война полов, это и рабство, это и чисто биологическое понятие (инстинкт размножения), это и свобода, и страсть, неподвластная разуму, стихия, это то что разрушает религиозные, нравственные устои, это то, что опустошает и ведет к нравственной смерти.

Любовь-мания находит воплощение в отношениях Савелия и Марины, в любви Ульяны Андреевны, самоубийцы-портного.

Ядро, центр концепта любви-мании составляют слова со значением педопределенности, неотвратимости.

Любовь-эрос – наиболее яркое воплощение нашла в образе Бориса Райского. Этот герой – натура артистическая, впечатлительная, он подобен Дон Жуану.

Семантические составляющие любви-эроса следующие: это страсть во всей ее многогранности, включая чувственное наслаждение, неуправляемость стихии, безумие, опьянение, счастье и болезнь, рок, преступление, это непостоянство и вечный поиск идеала Красоты, идеала Женщины.

Любовь-агапэ – самое возвышенное, идеалистическое чувство. В романе этот тип любви испытывают Наташа и Леонтий Козлов. Это любовь-самоотдача, не требующая ничего взамен, любовь не за что-то, а просто по движению души. Но в этой любви нет страсти, поэтому это неразделенное чувство в романе.

Любовь-сторге – это любовь-благоговение. В романе это чувство представлено на двух уровнях: в отношениях Тушина к Вере и, на более высоком уровне. – в отношениях Татьяны Марковны и Ватутина. Семантические составляющие любовь-сторге – это прочное, постоянное, взаимное чувство; это благоговение; это брачный союз, взаимный обязательства, долг; это уважение и понимание.

Идеалом любви в романе является любовь-филиа, к которой стремится Вера в отношениях с Марком Волоховым. Но этот идеал любви, как и любой другой, так и недостижимым для героев романа.

У каждого героя в романе, имя (фамилия) которого имволично, служит характеристикой для того или иного типа любви, есть свой «обрыв» - тот шаг, поступок, после которого жизнь делится на «до» и «после».

Исследования, проведенные нами по изучению концепта *любовь* в романе «Обрыв», безусловно, имеют большую практическую значимость в ее применении на занятиях, посвященных изучению творчества И.А.Гончарова в школе и вузе. Результаты нашей работы могут быть использованы в лексикографической практике при описании семантической структуры слов, содержащих сему *любовь*, в вузовском курсе преподавания русского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тексты

1. Гончаров И.А. Обрыв. Роман в 5-ти ч. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т.5. – М.: Гослитиздат, 1953.- 367с.
2. Гончаров И.А. Обрыв. Роман в 5-ти ч. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т.6. – М.: Гослитиздат, 1954.- 455с.

Научная литература

3. <http://www.aforizm.info/theme/lyubov/>
4. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. - №1 – С. 37-62.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. От теории к структуре текста. Антология – М.: Академия, 1980
6. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Воронеж: Государственный университет, 1998.
7. Балакин А.Ю. О проблеме выбора основного источника текста романа И.А. Гончарова «Обрыв» // Русская литература. – 2002. - №3. – С. 70-88
8. В мире мудрых мыслей - Уфа, Башкирское книжное изд-во, 1985
9. Вежбицкая А. Лексикография и концептуальный анализ. – Ann Arbor, 1985
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М: Русские словари, 1997.
11. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. - №1 – С. 5-37
12. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С.5-12
13. Воркачев С.Г. Концепт любовь в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. - Волгоград: Перемена, 2003. – С.189-208.

14. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
15. Гончаров И.А. Собрание сочинения в 8-ми томах. – М: Гослитиздат, 1952-1955.
16. Горький М. Фома Гордеев – М: Прогресс, 1979.
17. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.
18. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. - М., 1985.
19. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3-х т. – М.: Рус.кн.: Полиграфресурсы, 1998
20. Дидковская В.Г. О способах вербализации концепта // Человек. Язык. Искусство: Материалы Международ. научно-практической конференции. - М., 2001.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166-205.
22. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб, 2002
23. Краснощекова Е.А. Гончаров. Мир творчества. – СПб., 1997
24. Кустова Н.О. Кооперативные и конкурентные эффекты в развитии культуры и ее информационного базиса // Синергетика и психология. – СПб., 1997
25. Лебедев Ю. В. Над страницами романа И. А. Гончарова “Обрыв”: Статья первая // Литература в школе - 1995.- № 4.- С. 2-10.
26. Лебедев Ю. В. Над страницами романа И. А. Гончарова “Обрыв”: Статья вторая // Литература в школе. - 1995. - № 5. - С. 2-9.
27. Лебедев Ю.В. Лебедев Ю. В. Художественный мир романа И. А.Гончарова «Обрыв» // Гончаров И. А. «Обрыв».Кн.1. – М., 1996 (Серия «Новая школьная библиотека»). – С.5-42
28. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М., 1980

29. Левова И.Ю., Пашнина Л.А. Любовь как ценность. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический. - <http://filosofia.ru/literature/levova/lybov.shtml>
30. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. Т.52. №1- 1983
31. Мегедь В.В. Виды любви в художественной литературе // Соционика, психология и межличностные отношения - 2003- №11 – С. 24-30
32. Недзвецкий В.А. Реализм И.А.Гончарова. - М., 1973.
33. Ницше Ф. Веселая наука. Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М., 1990.
34. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста. – Барнаул, 1991.
35. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
36. Пригожин И., Стенгерс И. Возвращенное очарование мира // Природа. – 1986. - №2. – С.53-90.
37. Пришвин М. Избранное. – М.: ГИХЛ, 1946.
38. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация. - СПб., 2000
39. Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. – М.; Л., 1962
40. Рыбасов. И.А.Гончаров. - М., 1957
41. Сергеева Е.В. Интерпретация термина «концепт» в современной лингвистике. – М., 1998.
42. Тазетдинова Р.Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии. – Уфа, 2001.
43. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск, 1993
44. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996

45. Толстой Л.Н. Анна Каренина. - М.: АСТ, 2005.
  46. Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. - М., 1967
  47. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистик своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. - М., 1995.
  48. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип /Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992
  49. Чернейко Л.О. Семантический анализ лексической системы русского языка. – М., 1995
  50. Шапинская Е. Властные стратегии и дискурс любви в романе Гончарова «Обрыв» // Вопросы социологии. Вып. 7. – М.: Socio-Logos, 1996. – С.123-151
  51. Широкова И.А. Эмоциональный концепт «любовь» в идиостиле А.С.Пушкина: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тюмень: Государственный университет, 2006
- Словари**
52. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 2.
  53. Краткий словарь когнитивных терминов /Под ред. Кубряковой Е.М. – М.: МГУ, 1996
  54. Мифологический словарь /Под ред. Е.М.Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
  55. Н.М.Шанский, В.В.Иванов, Т.В.Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка – М: Мин-во Просвещения РСФСР, 1961
  56. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981.
  57. Словарь русского языка: В 4-х т. /Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
  58. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т.– М.-Л.: Советская энциклопедия, 1950-1965.

59. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Академический проект, 2004.
60. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2005.
61. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Русский язык, 1981.
62. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. /Под ред. Д.Н. Ушакова – М.: Советская энциклопедия, 1947-1948.
63. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М: Прогресс, 1986-1987.
64. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф.Губский и др. – М: ИНФРА-М, 1997
65. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1987.
66. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1971.
67. Штаерман Е.М. Марс // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 348-349

ÖZGEÇMİŞ

Kişisel Bilgiler	
Adı Soyadı	Sevindj Ramazanova
Doğum Yeri ve Tarihi	Şeki/ 01.04.1975
Eğitim Durumu	
Lisans Öğrenimi	Azerbaycan Kültür ve Sanat Üniversitesi- Güzel Sanatlar Fakültesi-Sahne Sanatları Bölümü
Y. Lisans Öğrenimi	Atatürk Ün. Sosyal Bilimler Enstitüsü
Bildiği Yabancı Diller	İngilizce–Rusça- Azerice- İbranice
İş Deneyimi	
Çalıştığı Kurumlar	Ağrı İbrahim Çeçen Üniversitesi- Edebiyat Fakültesi- Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü Öğretim Görevlisi
İletişim	
E-Posta Adresi	seva.75@list.ru
Tarih	18.03.2014